

Л. Е. БАЛАШОВ

Ф. НИЦШЕ – ГИТЛЕР
ФИЛОСОФИИ

ПАМФЛЕТ

МОСКВА • 2021

О цикле “Философские беседы”

Цикл задуман автором как своеобразная библиотечка философской литературы по широкому кругу проблем. Он рассчитан на читателя, которому интересно философствование само по себе. Таким читателем может быть и философ, и деятель науки, культуры, и учащийся, студент, аспирант.

Книги цикла относятся к разряду развивающей литературы и могут служить учебными пособиями для пополнения знаний по философии.

Балашов Л. Е.

Ф. Ницше — Гитлер философии. Памфлет. — М., 2021. — 76 с.

Заранее прошу извинить за резкость. Накипело! Фридрих Ницше снова «в моде». Без конца переиздаются его сочинения, делаются попытки обелить, представить хорошим, студенты с охотой и по своей инициативе пишут о нем рефераты. Это с одной стороны. С другой, в обществе растут настроения, сходные с немецким национал-социализмом. Всё это очень тревожит.

Кто такой Ф.Ницше на самом деле? Не как человек, не как философ, а как Явление. Я думаю, он — Гитлер философии и обращаться с ним нужно соответственно.

Ницше подобен Гитлеру. Разрушительный эффект от Ницше в философии и культуре аналогичен злодеяниям гитлеризма.

На обложке:

фрагмент картины М. А. Врубеля «Демон поверженный»

*Отзывы и предложения направлять по адресу:
lev_balashov@mail.ru*

На сайте “<http://balashov44.narod.ru>” размещены электронные тексты свыше 20-и книг автора

ISBN

© Балашов Л.Е., 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Беда Ницше	5
Ницше — философский юродивый, этакий философский Хлестаков—Жириновский	6
Антигуманист без всяких оговорок	9
Величайший философский террорист	14
Презрительно-пренебрежительное отношение к женщине.....	21
Расист, восхвалитель арийской расы как расы господ	22
Философия Ницше — это философия конфликта, агрессии, воинственности.....	24
Нигилизм Ницше	26
Ницшеанское отвращение к норме и нормальному.....	29
Попытки обеления Ф. Ницше.....	32
Учение Ф. Ницше о сверхчеловеке	37
Идея сверхчеловека порочна в своей основе.....	41
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Предтечи Ф. Ницше	43
И. Фихте	43
А. Шопенгауэр	45
Гегель	45
А. Тойнби о предшественниках Ф. Ницше.....	46
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Идеи Ф. Ницше носились в воздухе (рассуждения Родиона Раскольникова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»)	47
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	54
Из переписки по поводу Ф. Ницше	54
Дискуссия на портале Проза.ру.....	57
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	66
Камень в огород прагматизма. У. Джеймс, Ф.Ницше, Геббельс	66
О притче Ф.Ницше «Три возвращения»	67
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Ницшеанские корни гитлеризма. Из книги Уильяма Шилера «Взлет и падение Третьего Рейха»	72

Ницше — *просто сумасшедший*
Куно Фишер

Учение Ницше — «совершенно нелепое, недуманное, неясное и дурное по содержанию»
Л. Н. Толстой

Черного кобеля не отмоешь до бела
Поговорка

Сейчас Ницше снова, как и в начале XX в., становится идиолом для духовного обывателя, любителя острых, но бесплодных интеллектуальных ощущений.

А. Л. Симанов

Фридрих Ницше (1844-1900) — немецкий философ, представитель философии жизни. По образованию — филолог, работал профессором филологии в 1869-1878 гг., вынужден был оставить работу вследствие болезни. Главное сочинение — «Так говорил Заратустра» (I ч. — 1883, первое полное издание — 1892). Своим основным программным произведением Ницше предполагал сделать книгу «Воля к власти» (попытка «переоценки всех ценностей»), но оставил лишь массу заметок и афоризмов, которые были изданы сестрой в 1906 г. под общим названием «Воля к власти». Ф. Ницше был человеком болезненным, в декабре 1888 г. его разбил паралич. Вскоре у него наступило помрачение ума и последние десять лет жизни он провел в психиатрической лечебнице.

На ницшеанскую философию оказали значительное влияние волюнтаристская метафизика Шопенгауэра и дарвиновская теория борьбы за существование. Учение Ницше — это, в сущности, первая биологизаторская концепция философии человека, получившая широкое распространение.

О философии Ф. Ницше ничего хорошего сказать не могу. Она экстравагантная, пронизанная софистикой, одиозная. Опереться на высказывания Ницше практически невозможно, поскольку он часто говорит об одном и том же «да» и «нет» или

изъясняется скользко, двусмысленно. Поэтому дальнейший материал о его философии будет скорее похож на памфлет, чем на историко-философский очерк.

О Ницше я вынужден говорить, поскольку велико его влияние на философию и культуру XX века, особенно в Германии. Немецкий нацизм в значительной мере базировался на его идеях.

В нашей стране Ф.Ницше был популярен в начале XX века. Затем большевики-коммунисты постарались забыть его (как Герострата). Сейчас он снова «в моде». Без конца переиздаются его сочинения, делаются попытки обелить, представить хорошим, студенты с охотой пишут о нем рефераты. Это с одной стороны. С другой, в обществе растут настроения, сходные с немецким национал-социализмом (националисты разного толка, скинхеды, национал-большевики Эдуарда Лимонова...) Всё это очень тревожит.

Кто такой Ф.Ницше на самом деле? Не как человек, не как философ, а как Явление. Я думаю, он — Гитлер философии и обращаться с ним нужно соответственно.

Беда Ницше

Беда Ницше в том, что он эссеист в философии. У него напрочь отсутствует систематическое мышление. Он выхватывает какую-то одну сторону реальности, поскольку она ему эмоционально близка, и на ее основе строит свои умозаключения, не замечая при этом, что другая или другие стороны реальности не менее значимы. Например, он выпячивает на первый план волю, лишь одну из составляющих психики. Похоже, воля у него — конституирующая категория, краеугольный камень его философии. Стихийное, бессознательное он предпочитает организованному, сознательному. У него ярко выраженная идиосинкразия к рационалистическому мировосприятию. Подобно бунтующему подростку Ницше крушит, ломает, отвергает всё, что было до него.

Ницше — философский юродивый, этаким философский Хлестаков—Жириновский

Я — авантюрист духа, я блуждаю за
своею мыслью и иду за манящей меня
идеей

*Ф. Ницше*¹

В большинстве случаев Ницше говорил абсолютно аномальные вещи, как юродивый. Здесь он напоминает В. В. Жириновского. Переиначивая поговорку, можно сказать: у Ницше в бочке дегтя — ложка меда. Ницше — певец аномального, всего, что отклоняется от нормы-середины вплоть до патологии.

Ницше — удивительно легковесный философ. Он с вдохновением, абсолютно раскованно-цинично, без зазрения совести (философской, человеческой) лепит фразы, как ему заблагорассудится. Лишь бы было складно. Этаким философский Хлестаков.

Тексты Ницше — сладкий яд, как сладкоголосое пение Сирен, губивших мореходов.

У меня эти тексты вызывают большей частью чувство омерзения. Это непрерывное хвастовство-ёрничанье, этот пророческий, поучающий тон, это злопахательство и осмеяние-очернение всего, что дорого нормальному человеку, эти бесконечные попытки всё перевернуть, поставить с ног на голову.

Ницше — **Гитлер философии**. Так я к нему отношусь. Пусть в отдельных случаях он говорил умные, путные вещи — я всё же не могу относиться к нему позитивно даже в малой мере, в частности, цитировать эти умные вещи в подтверждение каких-то своих мыслей. Ведь и Гитлер в каких-то случаях вел себя вполне порядочно и говорил умные вещи. Но из-за того, что он совершил многочисленные преступления против человечества, я не могу хоть как-то относиться к нему позитивно. Он для меня — негодяй, людоед и т. п. Ницше никого не убил, но он подготовил-взрыхлил духовную почву для преступников типа Гитлера, для преступлений против человечества. Он со-

¹ Цит по: Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. Новосибирск, 1992. С. 101.

вершил многочисленные философские "преступления", попытался реабилитировать зло, "злую мудрость", "ложь", истину смешал-отождествил с ложью, постоянно высмеивал позитивные человеческие ценности (добро, милосердие...). Одним словом, Ницше — взбесившийся интеллигент, как характеризовал его Г. В. Плеханов.

Да, Ницше — человек, представитель рода человеческого и как таковой достоин уважения. И я его уважаю, как уважаю того же Гитлера. Если бы последний попался мне в руки, я не стал бы над ним издеваться, не стал бы его унижать, топтать его человеческое достоинство. Я просто отдал бы его в руки правосудия. То же и с Ницше. Я не буду употреблять площадных слов в его адрес, не буду ёрничать и издеваться над ним как философом. Я просто передаю его на суд философов как философского преступника.

Ницше скорее не философ, а просто умник. Он умничает, а не философствует. Он использует свой ум не по назначению, не для того, чтобы стремиться к мудрости¹ и решать проблемы на основе мудрости. Он вообще ничего не ищет. Он сразу лепит всё, что приходит на ум и непременно шокирующее, бьющее на внешний эффект. Б. Рассел по этому поводу заметил: "Ницше очень любит говорить парадоксами, желая шокировать рядового читателя. Он делает это, употребляя слова "добро" и "зло" в обычных им значениях, а потом заявляет, что предпочитает зло добру."²

В самом деле, Ницше **обожал язык парадоксов**. Вот некоторые примеры:

"Мы должны освободиться от морали, чтобы уметь морально жить"³.

«Можно с одинаковым успехом выводить свойства добрых людей из зла, а свойства злых людей из добра»⁴.

¹ Ведь "философия" означает буквально "любовь к мудрости".

² Рассел Б. История западной философии. Кн. 3. Новосибирск, 1994. С. 247.

³ Цит. по: Свасьян К. А. Ницше — мученик познания // Ницше Ф. Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 25.

⁴ Злая мудрость. № 108. — Ницше Ф. Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 737. На ум приходят слова из одного кинофильма: «Добро и зло меняются местами, когда в голове путаница» (кинофильм «Плюмбум, или Опасная игра». В сущности, Ф. Ницше — обыкновенный путаник.

«Правдивый человек в конце концов приходит к пониманию, что он всегда лжет»¹.

Главный труд Ницше "Так говорил Заратустра" имеет подзаголовок "Книга для всех и ни для кого". Непредубежденный читатель скажет: у человека не все в порядке с головой. И в самом деле, Ницше в большинстве случаев говорил абсолютно аномальные вещи, как юродивый. Он — певец аномального, всего, что отклоняется от нормы-середины вплоть до патологии.

Ницше не аргументирует, не утруждает себя аргументами, а утверждает-изрекает как мистик-пророк. Он отвергает почти всё, что выработала философская мысль до него. Объявляя волю к власти основным стремлением человека, он поступает как антифилософ, как человек, который использует свой интеллект для объявления неинтеллектуальной способности (воли) главной человеческой способностью, т. е. для утверждения и обоснования антиинтеллектуализма (неразумия, безумия — говоря по-русски).

Вот пример ницшеанской антифилософии: одно из сочинений Ницше называется "Злая мудрость". Вдумайтесь в это название. Оно чудовищно-нелепо как круглый квадрат или горячий снег. Мудрость в принципе не может быть злой². Она средоточие-объединение трех фундаментальных ценностей жизни — добра, красоты, истины. От такого соединения их сила многократно увеличивается. К мудрости как нельзя лучше подходит новомодное слово "синергизм". Она не является в отдельности, ни истиной, ни добром, ни красотой. Она то, что ведет или может привести к истине, добру и красоте, что является предпосылкой или условием истины, добра и красоты.

Мудрость тем больше мудрость, чем лучше она ведет к добру и лучше защищает от зла, поскольку зло — антидобро.

¹ Злая мудрость. № 147. — Ницше Ф. Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 742.

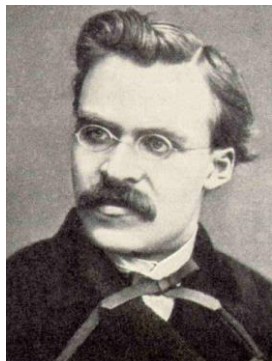
² Справедливы бесхитростные слова Сенеки: «в мудрости нет места злу, ибо для нее зло только в пороке, а порок не может быть там, где обитает добродетель» (из «Послания к Серену» — сборник «Сенека. Декарт. Спиноза. Кант. Гегель. Челябинск: «Урал», 1996). Примерно о том же писал Шеллинг. Он различал рассудочный ум и мудрость. Ум может содержать нечто негативное, бесцельное. «Мудрость не припишешь тому, что направлено к безнравственному или стремится достичь благие цели, используя безнравственные средства».

Антигуманист без всяких оговорок

Журнал "Здравый смысл", орган Российского гуманистического общества, опубликовал (в 19-м номере, 2001 г.) ряд материалов, фактически обеляющих, реабилитирующих Ницше, этого воинствующего антигуманиста, антигуманиста без всяких оговорок. Я удивлен и оскорблен. Что это? Неразборчивость редактора или его уступка нынешней моде на Ницше, заигрывание с теми, кто увлечен этой модой?

Ницше целиком на стороне выдуманного им сверхчеловека (господина, белокурого бестии...) и, соответственно, с презрением-пренебрежением говорит о "человеке" (и производном от человека: человечности, гуманности, гуманизме).

Вот две цитаты:

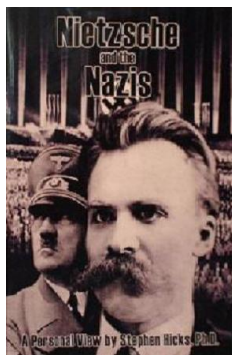

1) "В основе всех этих благородных рас просматривается хищный зверь, роскошная, похотливо блуждающая в поисках добычи и победы белокурая бестия; этой скрытой основе время от времени потребна разрядка, зверь должен наново выходить наружу, наново возвращаться в заросли — римская, арабская, германская, японская знать, гомеровские герои, скандинавские викинги — в этой потребности все они схожи друг с другом. Благородные расы, именно они всюду, где только ни ступала их нога, оставили за собою следы понятия "варвар"; еще и на высших ступенях их культуры обнаруживается сознание этого и даже надмевание (...) Эта "смелость" благородных рас, безумная, абсурдная, внезапная в своих проявлениях, сама непредвиденность и неправдоподобность их предприятий... — их равнодушие и презрение к безопасности, телу, жизни, удобствам; их ужасная веселость и глубина радости, испытываемой при всяческих разрушениях, всяческих сладострастиях победы и жестокости, — все это сливалось для тех, кто страдал от этого, в образ "варвара", "злого врага", скажем "гота", "вандала". Глубокое ледяное недоверие, еще и теперь возбуждаемое немцем, стоит только ему прийти к власти, — является все еще неким рецидивом того неизгладимого ужаса, с которым Европа на протяжении столетий взирала на свирепства белокурой германской бестии..."¹

2) "Может быть, совершенно правы те, кто не перестает страшаться белокурой бестии, таящейся в глубинах всех благородных рас, и держит перед нею ухо остро, — но кто бы не предпочел сто-

¹ "К генеалогии морали". См.: Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 428.

кратный страх, при условии, что здесь в то же время есть чем восхищаться, просто *отсутствию* страха, окупаемому невозможностью избавиться от гадливого лицемерия всего неудачливого, измельченного, чахлого, отравленного? И разве это не *наша* напасть? Чем нынче подстрекается *наше* отвращение к "человеку"? — ибо мы *страдаем* человеком, в этом нет сомнения. — *Не* страхом; скорее тем, что нам нечего больше страшиться в человеке: что пресмыкающееся "человек" занимает авансцену и кишмя кишит на ней..."¹

Под этими словами с большой радостью подписался бы любой фашист-нацист. (Именно благодаря всем подобным мыслям-идеям Ницше его главный труд "Так говорил Заратустра" оказался в ранце фашистского солдата наряду с Библией и "Майн кампф" Гитлера).

Вот еще:

"Проблема заключается в том, чтобы возможно больше утилизировать человека и чтобы по мере возможности приблизить его к машине, которая, как известно, никогда не ошибается; для этого его надо вооружить добродетелями машины, его надо научить переносить огорчения, находить в тоске какое-то высшее обаяние; надо, чтобы *приятные* чувства ушли на задний план. Машинальная форма существования, рассматриваемая как наиболее благородная, наиболее возвышенная, должна обожать сама себя... Единственную целью еще очень на много лет должны быть *умаление человека*, так как сначала надо построить широкое основание, на котором могло бы возвыситься сильное человечество. Умаление европейского человека — это великий процесс, которого нельзя остановить, но который надо еще ускорить..."²

Эти слова еще в большей степени отвечают идеологии национал-социализма. Особенно возмутительны в устах немецкого философа первые слова: «Проблема заключается в том, чтобы возможно больше утилизировать человека». Человек — средство, нечто подлежащее утилизации. А где же Кант с его великим нравственным принципом «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к

¹ "К генеалогии морали". См.: Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 429.

² Цит по: Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. Новосибирск, 1992. С. 198.

нему только как к средству»?¹ Поворот на 180 градусов. Если в лице И.Канта немецкая философия поднялась на необыкновенную высоту, то в лице Ф.Ницше она низко пала...

Еще одна цитата из Ницше: "Задача в том, чтобы достичь той огромной *энергии величия*, которая сможет создать человека будущего посредством дисциплины, а также **посредством уничтожения миллионов "недоделанных и неполноценных"** (выделено мной — Л. Б.) и которая сможет все же *устоять и не погибнуть* при виде страданий, тем самым создаваемых, подобных которым никогда не видели раньше"².

Б. Рассел комментирует: "С ликованием пророчит он эру великих войн". Я думаю, эти слова Ницше — скорее не пророчество, а настоящее руководство к действию для всяких безумцев типа Гитлера и его приближенных. Мне так и видится картина: Гитлер читает эти строки Ницше и находит в них духовную опору для невиданного в истории палачества, буквально, заряжается энергией палача миллионов. Ницше не пророк, а вдохновитель! Он повинен в массовых убийствах людей практически также, как повинны нацисты, представшие в качестве обвиняемых на Нюрнбергском и подобных процессах. Тот же Б. Рассел в другом месте поправил себя: **"Я не стану отрицать, что частично в результате распространения учения Ницше реальный мир стал очень похож на его кошмар, только кошмар от этого не делается менее отвратительным"**³.

И еще: "Властная раса может иметь только ужасное и жестокое происхождение"⁴. Сразу вспоминается мечта Гитлера и К° о тысячелетнем рейхе. Гитлер ведь хотел господствовать над миром, создать властную расу. И, естественно, в своем стремлении установить диктаторский режим в Германии и в своих завоевательных походах он опирался на эти слова Ницше: тысячелетнему рейху фатально уготовано это "ужасное и жестокое происхождение". Ницше, таким образом, как бы выдал (за-

¹ И вполне понятно, почему Ницше с пренебрежением отзывался о Канте. В «Воле к власти» (№ 127) он как бы мимоходом замечает: «Кант еще со временем станет пугалом для птиц!» — Площадный стиль, совершенно неприемлемый для настоящего философа.

² См.: Рассел Б. История западной философии. Кн. 3. Новосибирск, 1994. С. 248.

³ Рассел Б. История западной философии. Кн. 3. Новосибирск, 1994. С. 251.

⁴ Цит по: Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. Новосибирск, 1992. С. 200.

очно) Гитлеру духовную индульгенцию: Ты, Великий вождь, не должен думать о морали, милосердии, гуманизме. Если ты хочешь создать тысячелетний рейх, то должен знать, что властную расу ждет "ужасное и жестокое происхождение". Не бойся ничего, лей реки крови, потому что так надо, так неизбежно, если хочешь господствовать на Земле.

Чтобы обеспечить победу властной расы Ницше предлагает, в частности, такие средства:

"обязательная *военная служба*, с настоящими войнами, которые прекратили бы всякие шутки"

"Поддержка *военного государства*, это последнее средство, которое нам осталось или для поддержания великих традиций, или для создания высшего типа человека, сильного типа. Все обстоятельства, которые поддерживают неприязнь, расстояние между государствами, находит себе таким образом оправдание..."¹.

В этих последних цитатах Ницше не только идейный вдохновитель гитлеризма, но и консультант, дающий конкретные советы всяким гитлерам.

Гитлер, имея в виду ницшеанскую идею расы господ, внушал немцам, что все они должны быть господами. По рассказу советского солдата, участвовавшего во взятии Кенигсберга весной 1945 г., Гитлер обещал каждому немцу землю на востоке и по 25 рабов, чтобы сами немцы не работали, а были только господами. Этот солдат после взятия Кенигсберга беседовал с одной немецкой фрау, которая имела свое приличное хозяйство. Он спросил ее, чего еще им не хватало (и ухоженные коровы, и съестные припасы...), зачем они пошли войной на русских? Она ответила: это всё Гитлер, он обещал каждому немцу дать землю на востоке и по 25 рабов, чтобы немцы не работали, а были господами.

От Ницше пошло выражение "**падающего подтолкни**"². Если человек в чем-то слаб, то не надо ему помогать, а, напротив, надо способствовать его дальнейшему падению. Нет, наверное, более циничного высказывания в устах философа!

¹ Цит по: там же. С. 201. См.: Ф. Ницше. Воля к власти, № 126 («общая воинская повинность с настоящими войнами, при которых не до шутки»).

² «что падает, то нужно еще толкнуть!» — «Так говорил Заратустра». ч. 3 (Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 151). Один в интернете на форуме сказал: «из-за такой философии люди привыкают гнобить всех, кто в беде».

Ницше нападает на фундаментальный принцип нравственности, который с XVIII века именуется золотым правилом поведения. По своему невежеству он приписывает его английскому философу Джону Стюарту Миллю. Вот что пишет по этому поводу Б. Рассел:

"...он говорит, что ошибочно считать своим долгом добиваться победы добра и исчезновения зла, это чисто английский взгляд, он типичен для 'этого болвана Джона Стюарта Милля' — человека, к которому Ницше питал особенно злобное отвращение. Он писал о нем: "Я ненавижу вульгарность этого человека, когда он говорит: "Что правильно для одного человека, то правильно и для другого". — "Не делай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе". Основываясь на этих принципах, охотно установили бы все человеческие отношения на *взаимных услугах*, так что каждое действие являлось бы платой наличными за что-то, сделанное для нас. Эта гипотеза низка до последней степени. Здесь принимается не требующим доказательства, что имеется некоторый род *равенства ценности моих и твоих действий*"¹.

"Не делай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе" — это не что иное, как отрицательная формулировка золотого правила поведения. Она известна с незапамятных времен. Ее зафиксировали в письменном виде в разных частях света: в древнем Вавилоне (Сказание об Акихаре), в древнем Китае (Конфуций), в древней Индии (Бхишма, Будда), в древней Греции (Гомер, Гесиод, двое из семи мудрецов 7-6 века до н. э., Аристотель и др.), в древнем Риме (Сенека), в Библии. Еще в античную эпоху эта формулировка золотого правила вошла в число крылатых латинских выражений: *Quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris* (Не делай другому того, чего сам себе не желаешь). В частности, она была излюбленным выражением римского императора Александра Севера (222-235 н. э.)².

Вместе с положительной формулировкой ("поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой") отрицательная формулировка составляет великий принцип челове-

¹ Рассел Б. История западной философии. Кн. 3. Новосибирск, 1994. С. 247.

² См.: Сомов В. По-латыни между прочим. Словарь латинских выражений. М., 1992. С. 110.

ского общежития, основу человечности, морали и права¹. Значение этого принципа было осознано также очень давно, задолго до Дж. Ст. Милля. В Новое время многие философы обращали внимание на него (Дж. Бруно, Гоббс, Локк, Вольтер, немецкие просветители Х. Томасиус и Гердер, Шопенгауэр, В. С. Соловьев...). Можно указать еще десятки великих имен и книг.

А как плоско, вульгарно трактует Ницше этот принцип?! — как принцип "ты мне — я тебе". Вполне понятна слепота Ницше в отношении этого принципа: он на дух не переносил всё, связанное с человечностью, гуманизмом, взаимным уважением людей (в частности, с взаимным признанием прав). Ницшеанская "воля к власти", в сущности, исключает волю к единству действий.

Величайший философский террорист

Ницше — величайший философский террорист всех времен и народов. Видманн, швейцарский критик, написал этюд о "По ту сторону добра и зла" и увидел в этой книге только руководство по анархизму: "Книга пахнет динамитом", — сказал он. Сам Ницше, отвечая этому критику, написал "К генеалогии морали". "Я хотел, — пишет он через несколько месяцев по поводу этой маленькой книги, — произвести пушечный выстрел более гремучим порохом"². Видите: Ницше даже динамита мало!

Философский терроризм Ницше даже не в этом. Это всё внешнее, поскольку лежит на поверхности. Ницше по своей сути духовный-моральный террорист. *Он попытался растоптать все, что дорого людям, философам, всё, на чем держится человеческая мораль и, соответственно, человеческое общежитие, человеческое общество вообще.* Ницше своим словом, своими идеями развязывает руки всем потенциальным убийцам, преступникам, террористам, диктаторам-тиранам. Он как бы подталкивает их к нарушению всех норм жизни, **теоретически обосновывает** поведение таких (маленьких или боль-

¹ См. подробнее: Л. Е. Балашов. Золотое правило поведения. М., 1999; Л. Е. Балашов. Этика. М., 2010. С. 41-68.

² Цит по: Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. Новосибирск, 1992. С. С. 194.

ших) преступников, как Родион Раскольников или Адольф Гитлер.

Вот как порой рассуждают люди с преступным сознанием: Родион Раскольников в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского: «Могу ли я преступить или не могу? Тварь я дрожащая или имею право?»; «или всех грызи или лежи в грязи» (так поучает юного Фому его дядя, наживший состояние преступным путем. См. "Фома Гордеев" М. Горького); «не хочешь быть бараном, которого стригут, так стриги сам» (так цинично говорит преступник Растегаев в к/ф «Дело пестрых»); "либо ты ешь, либо тебя съедят", «люди делятся на две категории: которые властвуют, а которые подчиняются»¹ (эти "либо" называет "законом тайги" в кинофильме "Хозяин тайги" бригадир сплавщиков, совершивший преступление); бандиты в фильме «Бумер» говорят в свое оправдание: «не мы такие — жизнь такая», т. е. жизнь злая, бандитская.

Насчет **теоретического обоснования** хорошо написал Ю. Н. Давыдов в книге «Этика любви и метафизика своеволия» (М., 1982). Он посвятил этому целый раздел под названием «Апология преступности у Ницше» (стр. 86-94). Вот некоторые выдержки:

«В посмертно опубликованных материалах и фрагментах Ницше имя Достоевского появляется... в крайне знаменательной связи. «NB! (подчеркивает для себя немецкий философ значение этого фрагмента — Ю. Д.). *Вернуть злomu человеку чистую совесть* — не это ли является моим произвольным стремлением?» — спрашивает Ницше и уточняет вопрос: «А именно злomu человеку, поскольку он — сильный человек?» И тут же в скобках добавлено: «При этом привести суждение Достоевского о преступниках из тюрем». Русский писатель «сопряжен» здесь с идеей, которая составляла основной пафос немецкого философа, подспудно направлявший все его творчество, и чем дальше — тем более решительно: «Злой человек» (он же преступник) — это «сильный человек», а потому его необходимо *освободить от угрызений совести.*» (с. 80)

«...Не менее характерна и следующая мысль...: «*Угрызение совести*: признак того, что характер не равен *поступку*. Существуют угрызения совести даже по поводу *добрых дел*: по поводу их необычности, того, что выделяет их из старой среды». Эта мысль существенна не только в том смысле, что подтверждает наше первое впечатление, согласно которому ницшеанская идея «возвращения» злomu человеку (преступнику) «чистой совести» означала не что иное,

¹ Прямо по Ницше «шпарит»! И таких бессознательных ницшеанцев много можно встретить среди преступников.

как «освобождение» его от «угрызений совести», но и в другом отношении.

Во-первых, Ницше пытается «формализовать», если можно так выразиться, понятие «угрызение совести», освободив его от связи с нравственным содержанием поступка. Ведь если верить немецкому философу, угрызение совести возникает вне зависимости от того, добрый это поступок или злой, а только в зависимости от того, «привычный» он или «необычный». Во-вторых, такое толкование угрызений совести оказывается лишь переходом к утверждению, что человеку вообще нельзя вменить в вину его действия, и, стало быть, тем меньше они дают основания для каких-либо угрызений совести, так как истоки этих действий и их результаты теряются в общем «процессе», в который они вплетаются.» (с. 87).

«...уже здесь совершенно отчетливо проступает основная тенденция немецкого философа, решительно противостоящая пафосу творчества Достоевского: стремление «развести» преступление и раскаяние по разным линиям, прорыть между ними пропасть, а затем, доказав «бессодержательность» понятия «раскаяния», и вовсе избавиться от него.

Тема преступления, в связи с которой вновь всплывает имя Достоевского, получает свое дальнейшее развитие у немецкого философа в рамках довольно большого фрагмента, написанного осенью 1887 года. В нем буквально с первой строки отчетливо прослеживаются мотивы «Записок из мертвого дома», однако подвергнутые тщательной «селекции» и совершенно тенденциозному истолкованию. Он начинается словами: «Преступление подпадает под понятие: «Восстание против общественного порядка», которые вызывают ассоциацию с «Записками», где преступник характеризуется как человек, «восставший на общество». Ницше делает вывод из своего первого утверждения: «восставший» — не «наказывается»: его «подавляют». Эти слова можно сопоставить со словами, сказанными героем-рассказчиком из «Записок»: «...Преступник, восставший на общество, ненавидит его и почти всегда считает себя правым, а его виноватым».

Но если рассказчик в «Записках из мертвого дома» дистанцируется от этой точки зрения, все время подчеркивая, что он лишь «свидетельствует» о психологии преступника, то Ницше прямо встает на точку зрения этого последнего, делая ее отправным пунктом своего понимания преступления. «Восставший может быть человеком, вызывающим жалость и презрение: но в восстании самом по себе нечего презирать — быть восставшим против общества нашего типа — это само по себе еще не может снизить ценности человека. Имеются случаи, когда такому восставшему следовало бы воздать почести потому, что он ощущает в нашем обществе нечто, против чего необходимо вести войну: когда он пробуждает нас из дремотного состояния)» (Nizsche Werke Kritische Gesamtausgabe. VIII, Abt. Bd. 2. S. 144-145).

Учитывая эту миссию преступника, можно согласно Ницше остаться в стороне, рассматривать как несущественное тот реальный вред, который приносится им «единичному» человеку, включая и убийство этого «единичного» человеческого существа. Это ведь «не противоречит» главному и основному: тому, что «весь инстинкт»

преступника «пребывает в состоянии войны против всего общества», превращая любое его преступление (сколь бы чудовищным оно ни было — это обстоятельство вовсе не волнует немецкого философа) в «чистый симптом». Но что же это за «симптом», ради которого не только надо закрыть глаза на конкретное содержание преступления, но даже «воздать почести» самому преступнику? Этот симптом того, что преступник, как «сильный человек», вообще несовместим с обществом, рассчитанным на человеческое «стадо», состоящее из «усредненных», «маленьких» людей. А потому преступление — это не вина преступника и даже не беда, не несчастье его. Это, если верить Ницше, свидетельство превосходства преступника над человеческой «серятиной», знак его особого аристократического достоинства... (с. 89)»

«...для Ницше главное заключалось в апологетике преступления и преступника, сколь бы чудовищным оно ни было. Подчас даже крадывается подозрение, что чудовищные, из ряда вон выходящие преступления импонировали ему даже больше, чем преступления «средние» и «обычные», — ведь в них тоже было что-то от «усредненности», которую философ так ненавидел (с. 91)».

«Стремление «преступить» выражает согласно Ницше суть дела, а то, в чем оно найдет свое выражение, не столь важно. Более того: это не всегда адекватный, зачастую совсем неадекватный способ реализовать изначальное стремление «преступить», нарушить норму, закон, принцип, абсолют, выйти за рамки заранее положенной «меры» (с. 91-92).

«Не следует, — утверждает Ницше, — засчитывать преступнику как его порок ни то, что относится к его плохим манерам, ни то, что связано с низким уровнем его интеллекта. Нет ничего более обычного, чем то, что сам он понимает себя неверно: а именно не осознается его бунтующий инстинкт, его мстительность деклассированного — недостает начитанности; то, что под впечатлением страха, неудачи своего преступления он клеветает на себя и бесчестит себя, — эти обстоятельства дела совсем не принимают во внимание там, где вычисляются психологически преступника, подчинившегося непонятному им влечению и подтащившего свой поступок под ложный мотив при помощи побочной линии действия (скажем, при помощи грабежа, в то время как влечение это лежит у него в крови. — Ю. Д.)» (Nizsche. Werke. Kritische Gesamtausgabe. VIII, Abt. Bd. 2. S. 145).

Стараясь смягчить то впечатление, которое производит на людей конкретное преступление, взятое во всей его низменности, и сосредоточить внимание читателя на «высшем», так сказать, смысле преступления «как такового», Ницше протестует против того, чтобы «обсуждать ценность человека по отдельному поступку» (Ibid., S. 146) (для этого философа поступок — дело, деяние — это одновременно и поступок, преступление). Против такого подхода, по утверждению Ницше, «предостерегает Наполеон» (Ibidem), вернее, пример Наполеона, на совести которого, как об этом говорил еще Родион Раскольников из «Преступления и наказания», было достаточно много преступных «поступков». Немецкий философ считает, что «совсем уж несущественными» являются поступки, относящиеся к

«поверхностному рельефу» событий (Ibidem), вне зависимости от того, как они должны расцениваться с этической точки зрения — как преступные или как добродетельные.

«Если человек нашего типа, — аргументирует он свою мысль, — не имеет на совести никакого преступления, например, никакого убийства — о чем это говорит? О том, что у нас отсутствовала пара обстоятельств, которые способствовали бы этому преступлению. А если бы мы его совершили, то что означало бы это для нашей ценности? Снизилась бы наша ценность, если бы мы совершили пару преступлений? Наоборот: ведь не каждый в состоянии совершить пару преступлений. Собственно, следовало бы презирать нас, если нас не считают способными при (соответствующих) обстоятельствах убить человека. Почти во всех преступлениях одновременно выражаются свойства, которые не должны отсутствовать ни у одного мужчины» (Ibidem). В общем, людям, не совершившим преступления, не только запрещается, как мы видели, презирать преступников, сколь бы гнусные и низкие преступления они ни совершали. Более того: им рекомендуется перенести это презрение на самих себя, поскольку, скажем, они не обнаруживают в себе способности, например, к человекоубийству. Таков пафос приведенного ницшеанского рассуждения (с. 92-93.)»

Ю. Н. Давыдов подытоживает: «На фоне больших и малых, индивидуальных и массовых преступлений, которыми изобилует наш век, эта «тоска по преступлению» выглядит какой-то кошмарной иронией, если не считать все это фантастической глупостью, возникающей в результате отрыва философствования от нравственной жизни народа (с. 94.)»

Приведу теперь два конкретных примера духовного влияния ницшеанской «философии» преступности.

Первый пример. В феврале-марте 2003 г. по ТВС был показан двухсерийный документальный фильм о петербургской банде убийц, в основном студентов, которые убивали по двум мотивам: ницшеанским и чтобы иметь деньги. Руководителем этой банды был студент Сергей Репников. Этот студент читался Ницше и был пропитан духом ницшеанства (он чувствовал себя сверхчеловеком, что он может, сильный, а другие, большинство — недочеловеки, мусор). Всё началось с просмотра им, Алексеем Дядькиным и Ксенией Ковалевой по видеомagneтoфoну фильма режиссера Альфреда Хичкока «Веревка», в котором рассказывалось о том, как два друга задушили веревкой третьего, спрятали его в сундуке, но были разоблачены из-за того, что не догадались спрятать шляпу убитого. Во время просмотра развернулась дискуссия. Репников и Дядькин не обсуждали моральную сторону убийства, а обвинили этих двух друзей в глупости, в том, что они попались на ерунде. Репников вспомнил при этом Раскольников из «Преступления и наказания» Достоевского, которого он тоже обвинил в слабо-

сти. У Репникова и Дядькина возникла мысль переплюнуть этих героев, сделать поступок, т. е. убить кого-нибудь и так, чтобы не попасться. Случай представился. Эта компания пришла на квартиру к знакомому Репникова студенту Плоткину. Репников обрушился с кулаками на Плоткина, когда тот напомнил ему о долге в 200 долларов. Дядькин ударил жертву специально изготовленной металлической дубинкой. Друзья заставили и Ковалеву поучаствовать в убийстве: она воткнула спицу в ухо несчастного. Чтобы замести свои следы, «компаньоны» ограбили квартиру Плоткина. Репников забрал большую сумму денег. На следующее убийство эти «друзья» пошли уже вполне осознанно, опьяненные своей безнаказанностью и желая еще поживиться. Присоединившийся к ним четвертый участник банды Семенов сказал, что у студента Пацкевича есть деньги и что этот студент — никчемный человек. В убийстве участвовали те же и Семенов. У Репникова и К° разгорелся «аппетит». Понадобились еще деньги. Примкнувший к ним пятый член банды Некривда сказал, что его приятель, курсант военного училища Степан Пасько копит деньги на машину и хранит в квартире 1000-у долларов. Курсант был убит аналогичным образом. Таким же образом по наводке Некривды был убит его одноклассник, бизнесмен Искандеров. У него бандиты нашли 10 тысяч долларов. И, наконец, они убили бизнесмена Алексея Скороделова, бывшего возлюбленного Ковалевой, по тем же мотивам. Ковалева не хотела этого убийства и вынуждена была скрываться от своих «компаньонов». Узнав об убийстве Скороделова, она явилась с повинной в милицию, так как опасалась за свою жизнь. Репников после второго убийства расхваливал Ковалеву за то, что она своя, знает Заратустру, «Волю к власти» и вообще всё знает. После ареста Репникова на его письменном столе обнаружили книгу Ницше с подчеркнутыми словами «Нет ничего истинного; всё позволено». Знаменательно, что во всех случаях убийства бандиты оставляли на месте преступления знак фашистской свастики. Ницше был кровью скрещен с Гитлером.

Второй пример. В Рязани судили двух серийных убийц — Чурасова и Шурманова. Эти убийцы жестоко расправлялись со своими жертвами, убивали их топором, молотком, удавкой, затем расчленили трупы и сжигали в печи. Головы некоторых жертв путем обработки становились предметами домашнего обихода. Из черепа девушки Ани Половинкиной Чурасов сделал вазу и постоянно любовался ею, испытывал наслаждение от ее созерцания. Он же развил целую философию убийства. Для

него "жизнь и смерть стояли на одной грани" (со слов следователя по его делу), т. е. были равнозначными категориями. Ему было интересно "познать" эту грань, лишая жизни кого-либо, созерцая и переживая этот переход от жизни к смерти. Благодаря убийствам Игорь Викторович Чурасов чувствовал себя сверхчеловеком, который вершит суд над людьми, в частности, очищает общество от мусора, от ненужных людей. Иными словами, убийства давали ему ощущение власти над людьми. В этой чурасовской "философии убийства" легко увидеть **ницшеанские** мотивы. И кончил Чурасов также, как Ф. Ницше — в психиатрической больнице.

Весьма показателен сам факт, что под влиянием философии Ницше люди совершают преступления. Какого еще философа (из известных) преступники-убийцы упоминают в качестве своего вдохновителя?! Можно ли представить Аристотеля, Канта, Спинозу, нашего В. С. Соловьева и многих-многих философов в такой роли?! Нет, конечно! Я, во всяком случае, не знаю ни одного такого факта. Это говорит о том, что Ницше **конкретно** виноват, **конкретно** несет ответственность за свою апологию преступности.

Вина Ницше не столько в этом, что он подталкивает отдельных людей на совершение отдельных же преступлений. Его философия настраивает на преступления значительно большего масштаба (об этом писал Ю. Н. Давыдов в цитированном выше фрагменте). Ницше фактически духовный отец всех, кто совершает **преступления против человечества (человечности)**. Почему? Потому что о большинстве людей он говорит презрительно-ненавидяще как о быдле, стаде, толпе, навозе. (Б. Рассел, например, писал: "большинство, по его [Ницше — Л. Б.] мнению, должно быть средством для возвышения меньшинства; большинство нельзя рассматривать как имеющее какие-то независимые притязания на счастье или благополучие. Обычно Ницше называет простых людей "недоделанными и неполноценными" (bungled and botched) и не возражает против того, чтобы они страдали, если это необходимо для создания великого человека" [Б. Рассел. История западной философии. Новосибирск, 1994. Кн. 3, с. 246]).

Восхваляя тип воинственного-злого человека (господина, сверхчеловека, белокурого бестии), он этим восхваляет войны, т. е. в конечном счете — массовое истребление людей. Если

большинство людей — навоз, то нечего с этим большинством церемониться. Оно призвано к тому, чтобы унавоживать почву для сверхчеловека.

Презрительно-пренебрежительное отношение к женщине

"Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!" —
Так говорил Заратустра.

Это не случайно оброненная фраза. Она произнесена в таком контексте:

"А теперь в благодарность прими маленькую истину! Я достаточно стара для нее!

Заверни ее хорошенько и зажми ей рот: иначе она будет кричать во все горло, эта маленькая истина".

Дай мне, женщина, твою маленькую истину! — сказал я. И так говорила старушка:

"Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!" —
Так говорил Заратустра."¹

Это — фрагмент главного труда Ницше ("Так говорил Заратустра"). А посмотрите, какое название главки: "О старых и молодых бабенках". Ницше не стесняется в выражениях. Он груб, развязен, циничен. Цинизм его вдвойне усиливается тем, что эти уничижительные для женщины слова он вкладывает в уста женщины же!

Ницше — маскулинист, ненавистник женщин.

Посмотрите, как он характеризует "женское":

"Все женское, рабское, и особенно вся чернь: *это* хочет теперь стать господином всей человеческой судьбы — о отвращение! отвращение! отвращение!" (— "Так говорил Заратустра". Главка "О высшем человеке"²). Женское у него синоним рабского, черни. Уничижительно говорит о нем как "*этом*". Кроме того, он явно против эмансипации женщин. И три раза это "отвращение" с восклицанием, звучащее как проклятие по отношению к женскому началу жизни. Короткий текст, но сколько злобы, презрения, отвращения к женщинам!

¹ Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 48.

² Там же. С. 206.

Нисколько не смущаясь, Ницше приписывает философам отрицательное отношение к супружеской жизни: "...философ чурается *супружеской жизни* и всего, что могло бы совратить к ней, — супружеской жизни, как препятствия и роковой напасти на его путях к оптимуму... Женатый философ уместен в *комедии*, таков мой канон"¹ (— "К генеалогии морали"²). Он явно выдает желаемое за действительное. (Велико самомнение Ницше: очень часто он выдает свой субъективный специфический взгляд за общепринятое мнение).

Расист, восхвалитель арийской расы как расы господ

Утверждают, что он не был протофашистом, духовным отцом гитлеризма. Разговоры о "крови", о расах, о расе господ, об арийской (в отдельных случаях, германской) расе — разве это не протонацизм?! Да, конечно, Ницше не был националистом в узком смысле слова, более того, он (несчадно) критиковал немцев и отмечает "национальную узость" европейцев³. Зато он был расистом, идеологом арийской расы как благородной расы или расы господ.

Говорят, что он не был антисемитом. Ложь! Да, он не был примитивным, грубым антисемитом. Но он был ненавистником евреев как расы рабов. "Все, что было содеяно на земле, — писал Ницше, — против "знатных", "могущественных", "господ", не идет ни в малейшее сравнение

¹ Значит, с точки зрения Ф.Ницше все женатые философы достойны осмеяния: и Сократ, и Аристотель, и Фихте, и Шеллинг, и Гегель... Список можно продолжать и продолжать. Ницше не просто сказал глупость. Это какая-то хлестаковщина, вертопраховщина. Ну как можно серьезно относиться к подобным словам Ф. Ницше и к самому автору этих слов?!

² Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 480.

³ См.: Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. Новосибирск, 1992. С. 201.

с тем, что содеяли против них *евреи*."¹ — Этой фразы Ницше достаточно, чтобы его полюбили нацисты. На евреев он возлагал главную вину за всё, что было содеяно на земле против расы "господ"². Известен такой факт: когда Ницше поссорился с композитором Вагнером, то жестоко ругая его он дошел до того, что обвинил (!) композитора в том, что он еврей³.

Высказывания Ницше о евреях лили воду на мельницу антисемитизма. (Достаточно сравнить всю сумму его высказываний о евреях с тем, что говорил о евреях наш великий философ В. С. Соловьев. Разительный контраст! В. С. Соловьев — вот был истинный противник антисемитизма. Потому что он выступал против него с позиций гуманизма. Позиция же Ницше в отношении евреев двусмысленна, так как у этой позиции не было этой твердой и светлой человеческой основы [гуманизма].)

Известны англофобские высказывания Ницше. Что стоит, например, такое высказывание: "не следует забывать, что англичане с их глубокой посредственностью уже однажды были причиной общего понижения умственного уровня Европы" (См. его "По ту сторону добра и зла", № 233). Это тоже "дрова", которые разжигали костер гитлеризма.

Кстати, кто сказал, что философия Ницше — индивидуалистическая?! Его расизм, англофобия, антиеврейство, валовой подход к людям — разве не свидетельствуют об определенном, пусть неявном, коллективизме Ницше? Похоже, Ницше использовал двойной стандарт в отношении коллективизма. Когда ему выгодно было порочить коллективизм (в виде стадности) он делал это с энтузиазмом. Когда же ему был выгоден валовой подход к людям, не как к индивидуумам, а как представителям разных социальных групп, к некоторым общностям (раса господ и раса рабов, критика евреев, англичан, немцев...), то он с

¹ См.: Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 422.

² На заборе, окружающем православную церковь в Борисове (Москва, Борисовский проезд), крупными буквами было выведено (2001-2002 гг.): «Христианство — религия жидовских рабов». Рядом с надписью — изображение свастики. Вот вам соединение ницшеанства с гитлеризмом. Ницше ведь считал, что христианство — рабская религия евреев.

³ См.: Рассел Б. История западной философии. Кн. 3. Новосибирск, 1994. С. 245.

таким же энтузиазмом выступал с коллективистских позиций. Ницше причудливо сочетал индивидуализм с коллективизмом.

Философия Ницше — это философия конфликта, агрессии, воинственности

Ты должен возлюбить мир как средство для войны.
Короткий мир больше, чем длинный.
Сражение больше, чем работа.

Ф. Ницше

Стиль Ницше — напряженный, пророчески-безапелляционный или едкий-иронический. Он всё время воюет (на словах, конечно). Похоже, смысл жизни он видит в одном: чтобы воевать. В «Так говорил Заратустра» он без тени сомнения заявляет: «Мужчина должен воспитываться для войны, женщина — для отдохновения воина. Все остальное — вздор!»¹ (Часть I, «О старых и молодых бабенках»).

Философия Ницше в целом очень напряженная. Он постоянно говорит сильные фразы, патетические или язвительно-ироничные, которые показывают, что человек — хищное, злое животное, что человек должен быть сверхчеловеком. Он абсолютизировал отношения антагонизма, конфликта, враждебности и напряженности. Либо ты победитель, либо ты побежденный (либо пан, либо пропал). Ницше утверждал, что общество — стая хищных волков. По Ницше человек реализует себя и всегда стремится утвердить себя как существо, которое стремится к власти. Он делил людей на победителей и побежденных, на героев и толпу, на сверхчеловеков и всех остальных². Это логи-

¹ В этой фразе не только воинственность Ницше. Она свидетельствует также об убогости, примитивности его философии. Вдумайтесь только, чем должны заниматься люди: мужчины воевать, а женщины служить для отдохновения воина. Все остальное, по Ницше, — вздор и глупость. Как можно восхищаться такой дикой философией?!

² Такое деление людей весьма живуче. Вот что пишет А.Г.Дугин в своей «Консервативной революции» (М.: Арктогея, 1994): «Все люди делятся на две категории: на Человеко-Богов, Божественных Субъектов, Сверхлюдей (элита, духовная аристократия, высшие люди, «Зонненменшен», сыны света и т.д.) и на бессубъектных человеко-животных (плебс, низшие люди, недочеловеки, «Тиерменшен», «Сыны Тьмы»). Отсюда кастовая, расовая или интеллектуальная дифференциация...» (с. 89). Этот Дугин откровенно называет своим пред-

чески вытекает из его теории воли к власти. Тот, кто не стремится к власти — ничтожество.

Примечание

Существует версия, что ницшевское *Der Wille zur Macht* надо переводить не как волю к власти, а как волю к мощи, к силе, к жизни вообще¹, т.е. как волю не только в общественном смысле. Пусть будет так. Всё равно позиция Ф.Ницше весьма узка. Она выпячивает на первый план волю и не вообще волю, а лишь волю к мощи, к силе. Ведь, во-первых, воля — лишь одна из способностей человека, не самая главная. Во-вторых, воля к мощи, к силе — лишь одно из многообразных проявлений воли человека. Вот в чем односторонность Ф.Ницше, его основное заблуждение. Жизнь человека не сводится к тому, чтобы продуцировать мощь-силу. Помимо воли к мощи-силе-власти существует еще стремление человека к любви, к гармонии, к согласию, к сотрудничеству и т.д., и т.п. Помимо воли есть переживание, чувство, эмоция, есть размышление-разумность-рассудительность, есть ощущение-восприятие-представление, есть любознательность, есть любовь к истине, правдоискательство, есть чувство и сознание справедливости, есть чувство сострадания, милосердие и еще есть много-много «вещей», которые упускает или недооценивает философия Ф.Ницше.

шественником «германский национал-социализм в XX веке». Им опубликована недавно в газете «Лимонка» (№ 56, янв. 97) статья под характерным названием «С томиком Ницше на фронт культуры». В настоящее время Дугин — председатель движения «Евразия».

¹ А. А. Гулыга: «Прославляя жизнь, Ницше весь мир представлял как кванты воли к мощи (у нас переводится: воля к власти, что применительно к природным явлениям воспринимается неадекватно. *Die Macht* имеет синонимы: власть, сила, мощь, влияние. Есть исследователи, которые понимают *Der Wille zur Macht*, как «волю к воле»). Мировая воля к мощи и воля к жизни выражает метафизику Ницше. Для него мир есть единый процесс становления, в котором все его члены являются центрами динамической энергии этой воли.

Волю к мощи, свойственную и человеку, Ницше понимает в полном противоречии с Шопенгауэром. У Шопенгауэра воля подобна всаднику, прищипывающему коня (человека), у Ницше смысл жизни реализуется путем влечения (воления) человека к могуществу, способному исправить его неразумность, то есть человек ради самореализации свободен форсировать волю, стремясь к могуществу, а вовсе не гасить ее, как учил Шопенгауэр. Отрицание воли к жизни, считал Ницше, есть «приговор осужденных» (41. Т. 2. С. 576)». — А. Гулыга. Ф.Ницше.

Ф. Ницше выказывает много ненависти по самому разному поводу. Он прямо-таки одержим ненавистью: ненавидит женщин, евреев как расу рабов, англичан и всё английское. У него есть целый список ненавистных ему людей. О них он так и говорит: «**мои невозможные**». Это Сенека, Руссо, Шиллер, Данте, Кант, Виктор Гюго, Лист, Жорж Санд, Джон Стюарт Милль, Золя...¹

Нигилизм Ницше

Философия Ницше пронизана нигилизмом. Он призывал к переоценке всех ценностей, постарался разрушить все, что было наработано человеческой культурой. Мораль добра – хлам, совесть – чепуха.

Вот как, например, он характеризовал мораль (замечу: весьма односторонне!): "Взгляните с этой точки зрения на любую мораль, и вы увидите, что ее "природа" в том и заключается, чтобы учить ненавидеть *laisser aller* (нерадение, распущенность [фр.] – ред.), ненавидеть слишком большую свободу и насаждать в нас потребность в ограниченных горизонтах, в ближайших задачах; она учит *сужению перспектив*, а стало быть, в известном смысле, глупости, как условию жизни и роста."²

Ф. Ницше прямо ставил вопрос о преодолении морали. А. Н. Чанышев по этому поводу пишет:

«...полное освобождение от иллюзий, согласно Ницше, предполагает преодоление морали, в связи с чем провозглашается необходимость "добродетели, свободной от морали". По Ницше, человек может утвердить свою свободу только в одиноком противостоянии миру, преодолевая свое "человеческое", мораль как коллективно-эгоистический, в его понимании, способ выживания неспособных самостоятельно бороться людей — выживания посредством консолидации и организованного существования во взаимной социальной зависимости.» (А.Н.Чанышев. Человек и мир в философии Артура Шопенгауэра. — См.: Шопенгауэр А. Собр. соч в 5-ти томах. Том 1. Мир как воля и представление. М.: „Московский клуб“, 1992).

Или: «*Мораль — это важничанье человека перед природой*». Этот с позволения сказать «афоризм» Ницше я услышал по радио перед информационной программой «Вести» (9.59) в

¹ См.: Ницше Ф. Сумерки идолов. Набег несвоевременного. (См.: Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 594).

² По ту сторону добра и зла, 188. – Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 309.

воскресенье 27 апреля 2003 г. в рубрике «Полное собрание откровений Радио России». Что можно на это сказать? Опасное заблуждение философа повторяется другими людьми, распространяется как вирусная инфекция, как зараза. Вдумайтесь в эти слова Ницше. Если мораль — важничанье, то, следовательно, долой мораль! Совесть, добро, честь, долг — всё это важничанье человека перед природой, т. е. нечто недостойное, от чего надо избавиться.

Ф. Ницше породил традицию глумления над человеческой моралью. И до него были циники, но он превзошел всех, стал циником из циников. Десятки, сотни философов, писателей, деятелей театра, кино, художников, политических деятелей вслед за Ницше стали откровенно издеваться над фундаментальными человеческими ценностями (человечностью, гуманизмом, добром, совестью, милосердием...).

Гитлер наверняка был вдохновлен Ницше, когда напыщенно провозглашал, обращаясь к солдатам: **"Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью"**¹ (вариант: «Я освобождаю вас от грязной и разлагающей химеры, именуемой совестью и моралью»). Или: «Совесть и образование калечат человека». Сравн. Ницше: "Испытывал ли я когда-нибудь угрызение совести? Память моя хранит на этот счет молчание." (Т. 1. С. 722, "Злая мудрость", 10). Или: Угрызение совести — такая же глупость, как попытка собаки разгрызть камень" (Там же. С. 817, "Странник и его тень", 38).

Аморализм гитлеризма (немецкого нацизма), замешанный на ницшеанском отношении к совести и морали, всем известен. Цена этого аморализма: в развязанной им второй мировой войне погибло свыше 50-и миллионов людей. Советский Союз заплатил за этот аморализм 27 миллионов жизней.

Гитлеризм канул в лету. А вот попытки покончить с сове-

¹ Основной постулат Гитлера в программном обращении к армии перед Drang nach Osten звучит так: «Солдаты, я освобождаю вас от древней химеры, именуемой совестью во славу Великого Рейха!». Еще в 1923 г. Гитлер говорил: «Совесть — еврейское изобретение». Варианты:

«... совесть — это еврейское измышление, предназначенное для порабощения других рас».

"Десять заповедей утратили свою актуальность. Совесть — еврейское изобретение, это недостаток, как обрезание "

стью не прекращались. Энрико Ферми, итальянский физик, участвовавший в атомном проекте США, в разгар дискуссий о правомерности предстоящей атомной бомбардировки двух японских городов (в августе 1945 г.) бросил фразу вполне в духе Ницше: "Не надоедайте мне с вашими угрызениями совести"¹. Цена этого "не надоедайте" — 140 тысяч погибших-раненых в Хиросиме и 75 тысяч погибших-раненых в Нагасаки. Дух Ницше стал даже проникать в массовое сознание. Наглядная иллюстрация: в знаменитом американском фильме "Годзилла" молодая журналистка обманула доверие своего старого друга, украв и обнародовав принадлежавший ему секретный видеоматериал; в результате он потерял работу. Жена молодого человека, коллеги этой журналистки, упрекнула его: **"Ты убедил ее (журналистку – Л.Б.), что иметь совесть немодно"**. Если уж в фильм попала такая фраза, то это значит, что, действительно, в молодежной среде, в некоторых кругах активно проводится эта чудовищная и нелепая идея "иметь совесть немодно"². Если эта идея овладеет сознанием большого количества людей, то жди беды: либо гитлеризма в новом обличье, либо чего еще похуже.

Совесть — фундаментальная нравственная категория, определяющая поведение человека практически во всех жизненных ситуациях. Невозможно представить нормальную жизнь человека без совести. Человек, поступающий противно совести, ставит себя, как правило, вне общества — и в моральном, и в физическом, и в юридическом смысле (диапазон этого "вне общества" велик: от потери нормальных человеческих отношений с окружающими до бойкота и, далее, к тюремной изоляции и даже физической гибели). Если количество людей, поступающих противно совести, превысит некоторую критическую массу, то следует ожидать великих бед и несчастий в виде войн, геноцида, терроризма, эпидемии наркомании, снижения рождаемости и повышения смертности...

¹ Эта фраза Э. Ферми взята из документального фильма о И. В. Курчатове "Цепная реакция", показанного по телеканалу "РТР" 12 января 2003 г. в 10.15.

² Аналогичную фразу я услышал в отечественном фильме «Наша дача» (1990 г.) из уст матери взрослого сына: «Совесть нынче не в моде». Какой негодяй первым произнес подобное? И как заразительны бывают порой такие подлые, бессовестные речи!

Мартин Лютер Кинг говорил: «Принимающий зло без сопротивления — становится его пособником». О том же русская поговорка: «Кто злым попускает, тот сам зло творит».

Ф. Ницше — это воплощенное философское зло. Кто принимает Ф. Ницше — пособник зла.

Ницшеанское отвращение к норме и нормальному

Выше я говорил о том, что Ницше — певец аномального, всего, что отклоняется от нормы-середины вплоть до патологии. Как же он понимает норму? Вот как отвечает на этот вопрос Ю. Н. Давыдов в книге "Этика любви и метафизика своеволия". Сопоставляя точки зрения Ф. Ницше и Ф. М. Достоевского, он пишет: "Совесть согласно Ницше не должна мучить "злого человека", коль скоро он совершил то или иное преступление. Оно простое проявление того факта, что индивид, его совершивший, — "сильный человек", а потому не может не преступить "норму" — нравственную или правовую, ибо она создана по мерке "средних", то есть "слабых" людей". "Вопрос в ницшеанской формулировке, — продолжает Ю. Н. Давыдов, — стоит так. Либо реабилитируется преступление "как таковое", как нарушение "границы" и "меры", совершаемое ради самого этого нарушения... Либо преступление не реабилитируется, и объектом общественного презрения остается преступник, "гений", как преступающий любую меру и границу... Нравственные нормы, моральные установления продолжают сковывать "сильных людей", способствуя их вырождению в банальных нарушителей закона и порядка"¹. Ю. Н. Давыдов, естественно, на стороне Ф. М. Достоевского: "Как бы предчувствуя появление теоретиков ницшеанского типа, Достоевский (как и Толстой) все время стремится доказать и показать именно не "потусторонность", а "посюсторонность" идеального (= морального, этического) измерения человеческого существования, без которого это существование неизбежно перестает быть не только человеческим существованием, но и существованием вообще... он считал моральное измерение при-

¹ Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия. М., 1982. С. 86, 97.

сущим человеку изначально, как некое существенное свойство, без которого вообще невозможно человеческое общежитие. Мораль в этом смысле и есть способность человека к общежитию, бытию-совместно-с-другими.

Поэтому то, что представляется немецкому философу "физиологическим вырождением", "декадансом", с точки зрения Достоевского (как и Толстого), есть *норма* (курсив мой — Л.Б.); свойство, без которого человек не может считаться вполне нормальным. Без прочных моральных устоев (убежденности в абсолютности абсолютов и истинности моральных истин...) согласно Достоевскому невозможно нормальное существование не только общества в целом, но и каждого отдельного человека. Их разрушение неизбежно ведет к болезни человеческого духа, которая, как показывает русский писатель, чаще всего переживается как душевная, а подчас и телесная болезнь"¹.

Ф. Ницше понимает социальную норму слишком примитивно, как нечто среднее, усредненное, скроенное по мерке "среднего", "маленького" человека. На самом деле социальные нормы так же сложны, многообразны, переменны, как и нормы, обеспечивающие здоровье отдельного человека. Они рассчитаны и на "маленьких" людей, и на "больших". С точки зрения социальных норм гению вовсе не нужно быть злодеем, чтобы проявить свою гениальность. Более того, гений и злодейство — две вещи несовместные. Здесь, безусловно, прав А. С. Пушкин. В самом деле, что такое гений? Это творческая, а, значит, созидательная, конструктивная способность. Злодейство же, любое злодейство — это, безусловно, разрушительное, деструктивное деяние. Гений не разрушает, а созидает. Зло не созидает, а разрушает. Не случайно то, что литературные образы-символы зла — гётевский Мефистофель и лермонтовский Демон — несли с собой смерть и разрушение. В частности, Мефистофель погубил Маргариту, а Демон — Тамару.

Если гений и злодейство порой и соединяются в одном человеке, то это говорит не об их совместимости, а о *раздвоенности* данного человека как личности.

¹ Там же. С. 183-184.

Ницшеанский взгляд на норму имел продолжение. Еще А. П. Чехов подметил это пристрастие некоторой части интеллигенции ко всему аномальному. Вот фрагмент его рассказа:

«— А почему ты знаешь, что гениальные люди, которым верит весь свет, тоже не видели призраков? Говорят же теперь ученые, что гений сродни умопомешательству. Друг мой, здоровы и нормальны только заурядные, стадные люди. Соображения насчет нервного века, переутомления, вырождения и т. п. могут серьезно волновать только тех, кто цель жизни видит в настоящем, то есть стадных людей.

— Римляне говорили: *mens sana in corpore sano* (в здоровом теле здоровый дух).

— Не все то правда, что говорили римляне или греки. Повышенное настроение, возбуждение, экстаз — все то, что отличает пророков, поэтов, мучеников за идею от обыкновенных людей, противно животной стороне человека, то есть его физическому здоровью. Повторяю: если хочешь быть здоров и нормален, иди в стадо.»

— Так отвечал призрак черного монаха находившемуся в галлюциногенном бреде Коврину. Последний — герой рассказа А. П. Чехова «Черный монах». Писатель отобразил в этих немногих фразах позицию известной части интеллигенции, зараженной ядом ницшеанской философии. Он, как видим, негативно относился к такой позиции. А вот уже его младшая современница, писательница Зинаида Гиппиус презрительно отзывалась о Чехове: «он слишком нормален». К сожалению, этот дух ницшеанства распространился в XX веке как зараза. До сих пор он дает о себе знать во многих явлениях культуры...

Вот что я услышал в американском кинофильме «Практическая магия». — Тетя учит племянницу: «Когда ты, наконец, поймешь, что нормальность не есть добродетель, а отсутствие мужества».

А вот что можно прочитать о норме в книге психолога М. Норбекова: «Норма — это то, что принято большинством, не так ли? Она скручивает человека в бараний рог, загоняет в раз и навсегда кем-то установленные рамки, перекрывает пути к творчеству. Это болото, где погибают, не успев пробудиться, будущие гении, титаны, творцы. Потому что все заранее предписано, кто и как должен себя вести.» (Норбеков М. Опыт дурака, или ключ к прозрению. Как избавиться от очков. СПб.: ИД «Весь», 2001. С. 49).

Это крайне поверхностное и поэтому несправедливое суждение о норме. Оно демонстрирует узость нефилософского, некатегориального мышления. Если бы М. Норбеков хоть немного подумал над тем, что норма это не только и не столько то, что принято большинством, а **мера живого и человеческого**, что без нее человек и шагу не может сделать в этом мире, что всё, что он делает и всё, чем он дышит и живет, основывается на норме. Взять хотя бы здоровье. Это же ведь норма, нормальное состояние человеческого организма и человеческого духа! Вы можете себе представить что здоровье, являющееся одной частных форм нормы, — «болото, где погибают, не успев пробудиться, гении, титаны, творцы»? Абсолютная чушь. И вот эта чушь тиражируется сотнями тысяч экземпляров и как яд отравляет сознание и душу миллионов людей.

Некий авангардист заявил на выставке изобразительного искусства в Лондоне: «Всё должно быть чересчур. Кто не понимает этого, тот мещанин.» (1-й телеканал. Новости 19.10.06, 12.17).

Попытки обеления Ф. Ницше

В последние десятилетия делаются попытки обелить Ф. Ницше, отделить его от ницшеанства и, соответственно, от образа духовного отца гитлеризма.

Вот что пишет А. В. Гулыга в книге «Немецкая классическая философия»:

«Ницше называл себя "имморалистом", имея в виду нормативную, принудительную ходячую мораль, которую хотел преодолеть, создав новые моральные ценности. У него есть даже фраза, которую в ницшеанстве долгое время трактовали как отказ от морали, как аморализм философа: "Мы должны освободиться от морали..."; но при этом забывали о завершении этой фразы: "...чтобы уметь морально жить" [38].

Учению Ницше был нанесен большой урон ницшеанством, среди сторонников которого нашлись умельцы, приспособляющие его мысли к сиюминутным нуждам, групповым и низменным потребностям. Особенно постаралась его сестра Элизабет Фёрстер-Ницше, которая не остановилась перед многими фальсификациями, создав из черновых набросков целую книгу ("Воля к власти"), в которой философ предстал как расист и шовинист, а впоследствии был сатанизирован в идеологии национал-социализма.

Лишь в середине XX гг. определился новый подход к изучению наследия Ницше. В этой связи большое значение имеет критическое

издание полного собрания его сочинений, осуществляемое по инициативе итальянских ученых Дж. Колли и М. Монтинари, выходящее с 1977 г. Общими усилиями реабилитируются ключевые понятия его философии. В частности, опровергается легенда о Ницше-поляке (почти 30 лет назад К. Янц доказал, что его предки до XVI в. были немцами, а ранние корни рода уходят в Чехию), о "белокурой бестии" (это — не германо-немецкий человек, а метафора, определяющая человека действия), о сверхчеловеке, лишенном моральных ценностей (на самом деле это — твердый, жесткий, но не жестокий, живучий человек, сила которого в самоконтроле, независимости духа, творческих способностях, жизнерадостности, добросердечии, "любви к судьбе", в мягкости, кротости и т. п.)» (См.: Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Рольф, 2001. С. 356-357)

Почти то же можно прочесть во вступительной статье К. А. Свасьяна к двухтомнику сочинений Ф. Ницше.

Я уважаю и А. В. Гулыгу, и К. А. Свасьяна как вдумчивых и серьезных исследователей, но не могу одобрить их попытку пересмотреть философию Ф. Ницше в сторону ее приглаживания и обеления.

Рассмотрим по пунктам вышеприведенные высказывания А. В. Гулыги.

1. «Ницше называл себя "имморалистом", имея в виду нормативную, принудительную ходячую мораль, которую хотел преодолеть, создав новые моральные ценности». — Что значит «имея в виду нормативную, принудительную ходячую мораль»?! Выходит, Ницше может называть себя имморалистом (ничего плохого в этом нет), поскольку он де понимал человеческую мораль как нормативную, принудительную ходячую. Спрашивается, по какому праву он наплевал на естественный смысл слова «мораль», зафиксированный в словарях и энциклопедиях?! Ведь это слово, взятое во всей его полноте и глубине, имеет смысл не только внешней (общепринятой, освященной обычаями, традициями, общественным мнением) морали, но и внутренней (совести, милосердия). Во-первых, почему такое пренебрежительное отношение к нормативной компоненте морали? Разве нормативная мораль — это всегда плохо? А как же быть со знаменитым золотым правилом («не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе» и «поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с собой»)?! Во-вторых, мы знаем, что и совесть, и милосердие у Ф. Ницше были не в чести (см. выше, в частности, его высказывания по поводу угрызений совести).

Имморализм Ф. Ницше — это фиговый листок его фактического аморализма. Аморализм Ницше — хотя бы в его пренебрежительном отношении к женщине (см. выше соответствующий пункт) или в циничном высказывании «падающего под толкни».

Имморализм, любой имморализм по сути своей аморален. Когда человек не принимает в расчет (игнорирует) моральную сторону жизни, дела, поступка — он так или иначе действует против морали, потому что мораль — **коренное** свойство человеческой природы (изначально и по сути). Отвлечься от морали в человеческих делах в принципе невозможно, иначе мы рискуем навредить морали, т. е. поступить аморально. Например, когда говорят, что политика или экономика должны быть вне морали, то это, как правило, служит оправданием, прикрытием, дымовой завесой для аморальных или преступных действий.

2. А. В. Гулыга далее пишет: «У него есть даже фраза, которую в нищестанстве долгое время трактовали как отказ от морали, как аморализм философа: "Мы должны освободиться от морали..."; но при этом забывали о завершении этой фразы: "...чтобы уметь морально жить"». А. В. Гулыга думает, что вторая часть парадоксального высказывания как-то оправдывает Ф. Ницше, что в целом высказывание неравноценно отказу от морали. А. В. Гулыга уж слишком как-то легко, щадяще относится к парадоксальным высказываниям (придерживаясь здесь гегеле-марксистской традиции). А ведь далеко не все парадоксальные высказывания невинны. Возьмем хотя бы чудовищное по своему цинизму высказывание Екатерины Медичи, матери французского короля Карла IX: «С ними человечно — быть жестоким, жестоко — быть человеческим» — так она сказала в оправдание резни гугенотов, устроенной в Варфоломеевскую ночь¹. Я считаю, что вышеприведенное высказывание Ф. Ницше о морали — того же сорта. Оно, безусловно, аморально, поскольку **сбивает с толку** (мораль плоха, от нее надо освободиться; и мораль хороша, надо уметь морально жить). Как хочешь, так и понимай. Какая-то шизофрения. Логика давно установилась: из подобных противоречивых высказываний вытекает

¹ В эту ночь в Париже (Франция, 24 августа 1572 г., ночь св. Варфоломея) были убиты в результате массовой резни, устроенной католиками, 20 тысяч гугенотов. Резня была организована Екатериной Медичи и Гизами.

всё, что угодно. В данном случае «всё что угодно» означает на поверку потерю нравственных ориентиров, паралич воли, расстройство или метания из стороны в сторону, из крайности в крайность.

3. Еще один абзац: «Учению Ницше был нанесен большой урон ницшеанством, среди сторонников которого нашлись умельцы, приспособливающие его мысли к сиюминутным нуждам, групповым и низменным потребностям. Особенно постаралась его сестра Элизабет Фёрстер-Ницше, которая не остановилась перед многими фальсификациями, создав из черновых набросков целую книгу ("Воля к власти"), в которой философ предстал как расист и шовинист, а впоследствии был сатанизирован в идеологии национал-социализма.»

В этом абзаце целый клубок неправды.

Во-первых, почему А. В. Гулыга так категорически отделяет Ницше от ницшеанства?! Нет дыма без огня. Вы можете себе представить последователей, допустим, Дж. Ст. Милля, И. Канта или Л. Фейербаха в качестве умельцев, приспособливающих их мысли к низменным потребностям, в частности, на потребу гитлеризма?! Ницшеанство пронацистского образца может быть и узко, односторонне трактует Ф. Ницше. Но ведь у Ницше действительно есть все эти чудовищные черты гитлеризма: расизм, антиеврейство, англофобия, культ белокурого бестии, сверхчеловека... Только слепой не видит связи идей Ницше с идеями гитлеризма.

Во-вторых, неправда в том, что Ницше «Воли к власти» — не тот Ницше. Я в большинстве случаев цитировал другие сочинения Ницше и везде он один и тот же: воинственный, самоуверенный, высокомерный, возомнивший себя чуть ли не богом, агрессивный, ненавистник женщин, евреев, большинства людей. Его тексты полны нападок на фундаментальные ценности человечества.

4. А. А. Гулыга утверждает еще: «опровергается легенда... о "белокурой бестии" (это — не германо-немецкий человек, а метафора, определяющая человека действия)». Что значит «опровергается»? Разве прилагательное «белокурая» (или «белокурый») не указывает на принадлежность «бестии» к северному типу человека?! Помните: и нацисты постоянно говорили о нордическом характере, нордическом типе человека. (Рядом приводится нацистский образ белокурого бестии). И разве «бестия» характеризует только человека действия, а не подоб-

ного свирепому зверю, звероподобного человека? Этой, так сказать, метафорой Ницше убивает сразу двух зайцев: 1) делает

акцент на биологической природе человека, что вполне корреспондируется с его разговорами о «крови», расе; и 2) дает оценку «герою своего романа» как должествующим быть хищным зверем. См. о «белокуром бестии» ниже, стр. [46](#).

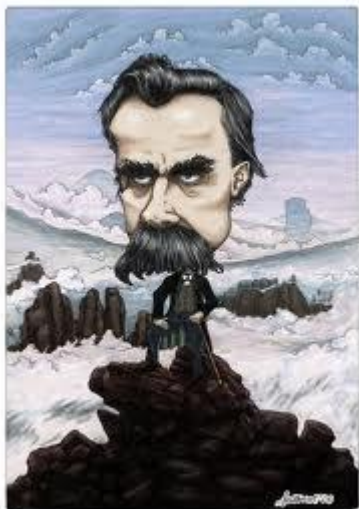
К сожалению, вновь и вновь повторяют тезис о непричастности Ф.Ницше к преступлениям гитлеризма. В телепрограмме НТВ «Обозреватель» (06.12.2003 г. — 9.45 утра) политолог Иосиф Дискин как бы между прочим заявил: «Ницше не несет ответственности за злодеяния фашизма». При этом он отметил, что тот, кто утверждает обратное, совершает логическую ошибку «после этого, значит по причине (вследствие) этого». Аргументация его понятна: если злодеяния фашизма имели место после публикации трудов Ф. Ницше, то это не значит, что указанный философ несет за них ответственность, что они — следствие философии Ф. Ницше. Откуда И. Дискин взял, что возлагающие на Ницше ответственность за преступления фашизма руководствовались такой немудреной аргументацией как «после этого, значит вследствие этого»?! Они что, были такие глупые? Ведь почему-то именно Ф. Ницше чаще всего упоминался в качестве предтечи идеологии гитлеризма. В XIX веке жили и писали свои труды сотни философов. А обвиняли почти исключительно только Ницше. Надо бы задуматься всем обелителям Ницше над этим фактом.

Используют еще и такой аргумент для обеления Ницше: поскольку де философы в принципе не несут ответственность за те или иные политические процессы, постольку и Ницше не может нести ответственность за то, что произошло в XX веке с Германией. Этот аргумент просто жалкий. Что же получается: философы выдвигают идеи, обосновывают их, пишут трактаты, пытаются тем или иным образом влиять на духовную жизнь общества — а это, оказывается, не имеет никакого значения для

истории! Философы сами по себе, а история сама по себе. Так что ли? Какая-то безнадежность и фатализм. На самом деле, человек — творец истории. Одни люди в большей степени делают историю, другие в меньшей степени, но делают! Ф.Ницше стал очень популярен на рубеже XIX–XX веков и в первые десятилетия XX века. Он просто сводил с ума многих и многих деятелей, прежде всего философов, писателей, художников... А молодежь вообще была им покорена. Его популярность и есть реальное воздействие на общество. Вполне возможно, что Гитлер плохо знал Ницше, особенно на первом этапе своей политической карьеры (в «Майн кампф» он, кажется, ни разу не упоминает имя Ницше). Это, однако, не значит, что дух Ницше не передавался Гитлеру. В 10-е–30-е годы XX века достаточно было посредников. Да и не один Гитлер делал политику. Окружение Гитлера, многие нацисты и сочувствующие им знали Ницше и, соответственно, насыщали свой ум его преступными идеями.

Не могу не упомянуть еще один аргумент в защиту Ф.Ницше. В телефильме о нем, показанном по ОРТ (1-му телеканалу) 10 июля 2001 г. в 23.40, утверждалось: «Ф.Ницше — европеец и враг антисемитизма». Какой он «враг антисемитизма» — сказано выше, на стр. [19](#).

Учение Ф. Ницше о сверхчеловеке

Меня порой обвиняют в предвзятом подходе к Ницше, в том, что я опираюсь в своей критике Ницше на специально подобранные цитаты из его сочинений. Но вот его учение о сверхчеловеке, изложенное в главном труде «Так говорил Заратустра». Давайте внимательно посмотрим, что он пишет о сверхчеловеке.

Обращаясь к народу выдуманный им герой по имени Заратустра говорит:

«Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно пре-

взойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?

Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?

Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором.

Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя, некогда были вы обезьяной, и даже теперь еще человек больше обезьяны, чем иная из обезьян.

Даже мудрейший среди вас есть только разлад и помесь растения и призрака. Но разве я велю вам стать призраком или растением?

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке!»

«Поистине, человек — это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять в себя грязный поток и не сделаться нечистым.

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он — это море, где может потонуть ваше великое презрение.

В чем то самое высокое, что можете вы пережить? Это — час великого презрения. Час, когда ваше счастье становится для вас обратительным, так же как ваш разум и ваша добродетель».

«Не ваш грех — ваше самодовольство вопиет к небу; ничтожество ваших грехов вопиет к небу!

Но где же та молния, что лизнет вас своим языком? Где то безумие, что надо бы привить вам?

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он — эта молния, он — это безумие! — ...»

«Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над пропастью.

Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка.

В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель.

Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо идут они по мосту.

Я люблю великих ненавистников, ибо они великие почитатели и стрелы тоски по другому берегу.

Я люблю тех, кто не ищет за звездами основания, чтобы погибнуть и сделаться жертвою — а приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала землею сверхчеловека.

Я люблю того, кто живет для познания и кто хочет познавать для того, чтобы когда-нибудь жил сверхчеловек. Ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто трудится и изобретает, чтобы построить жилище для сверхчеловека и приготовить к приходу его землю, животных и растения: ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто любит свою добродетель: ибо добродетель есть воля к гибели и стрела тоски.

Я люблю того, кто не бережет для себя ни капли духа, но хочет всецело быть духом своей добродетели: ибо так, подобно духу, проходит он по мосту.

Я люблю того, кто из своей добродетели делает свое тяготение и свою напасть: ибо так хочет он ради своей добродетели еще жить и не жить более.

Я люблю того, кто не хочет иметь слишком много добродетелей. Одна добродетель есть больше добродетель, чем две, ибо она в большей мере есть тот узел, на котором держится напасть.

Я люблю того, чья душа расточается, кто не хочет благодарности и не воздаст ее: ибо он постоянно дарит и не хочет беречь себя.

Я люблю того, кто стыдится, когда игральная кость выпадает ему на счастье, и кто тогда спрашивает: неужели я игрок-обманщик? — ибо он хочет гибели.

Я люблю того, кто бросает золотые слова впереди своих дел и исполняет всегда еще больше, чем обещает: ибо он хочет своей гибели.

Я люблю того, кто оправдывает людей будущего и искупляет людей прошлого: ибо он хочет гибели от людей настоящего.

Я люблю того, кто карает своего Бога, так как он любит своего Бога: ибо он должен погибнуть от гнева своего Бога.

Я люблю того, чья душа глубока даже в ранах и кто может погибнуть при малейшем испытании: так охотно идет он по мосту.

Я люблю того, чья душа переполнена, так что он забывает самого себя, и все вещи содержатся в нем: так становятся все вещи его гибелью.

Я люблю того, кто свободен духом и свободен сердцем: так голова его есть только утроба сердца его, а сердце его влечет его к гибели.

Я люблю всех тех, кто являются тяжелыми каплями, падающими одна за другой из темной тучи, нависшей над человеком: молния приближается, возвещают они и гибнут, как провозвестники.

Смотрите, я провозвестник молнии и тяжелая капля из тучи; но эта молния называется сверхчеловек».

«Жутко человеческое существование и к тому же всегда лишено смысла: скоморох может стать уделом его.

Я хочу учить людей смыслу их бытия: этот смысл есть сверхчеловек, молния из темной тучи, называемой человеком».

После того, как народ отверг эти безумные речи Заратустры, он заявил, разочарованный, полный ненависти и презрения к людям:

«Ни пастухом, ни могильщиком не должен я быть. Никогда больше не буду я говорить к народу: последний раз говорил я к мертвому.

К созидającym, к пожинающим, к торжествующим хочу я присоединиться: радуго хочу я показать им и все ступени сверхчеловека.

Одиноким буду я петь свою песню и тем, кто одиночествует вдвоем; и у кого есть еще уши, чтобы слышать неслышанное, тому хочу я обременить его сердце счастьем своим.

Я стремлюсь к своей цели, я иду своей дорогой; через медлительных и нерадивых перепрыгну я. Пусть будет моя поступь их гибелью!"

Посмотрите: народ для него мертвый, поскольку не захотел внимать его безумным речам о сверхчеловеке.

Посмотрите: с каким невежественным самомнением и презрением он говорит об обезьянах, этих высших представителях животного мира на Земле! И в каком контексте?! Чтобы показать, что человек (т. е. люди в своей массе) также смешон и ничтожен по отношению к сверхчеловеку, как обезьяна по отношению к человеку.

Посмотрите: рефреном звучат слова Ницше о том, что человек должен умереть, пожертвовать собой во имя, для-ради Сверхчеловека. Мне скажут: Ницше говорил о смерти-гибели человека метафорически, а не буквально. Может быть... Может быть тонкие умы так и будут понимать слова Ницше. А вот грубые умы типа гитлеровских палачей во имя сверхчеловека будут косить миллионы людей буквально! Слова «смерть», «гибель» в естественном языке, в основном своем значении указывают именно на реальную смерть-гибель, а не на какую-то мифическую-метафорическую смерть-гибель.

Сам стиль речей главного героя книги абсолютно нефилософский. Он не аргументирует, не рассуждает, не анализирует, не убеждает, а изрекает, поучает как пророк, как человек, владеющий абсолютной истиной. Христианской вере в Бога Ницше противопоставляет опять же веру, свою веру в Сверхчеловека. Чем она лучше?.. Как говорится, хрен редьки не слаще.

Однако, всё же есть разница. Если христианская вера апробирована тысячелетиями жизни-опыта миллионов людей, то вера в Сверхчеловека держится только на словах Ницше. И более того, она была своеобразно апробирована его последователями в гитлеровской Германии и эта апробация показала всю губительность ницшеанской веры в нового Мессию.

В указанном фрагменте особое внимание обращают на себя такие две фразы Ф.Ницше:

«Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над пропастью».

«В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель».

Посмотрите: человек для него не цель сама по себе, а только канат над пропастью, только мост, только переход и гибель, т. е. только средство. Это прямо противоположно тому, чему учит гуманистическая философия и чему учил, как я уже говорил раньше, И. Кант: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству».

Представьте себе, миллионы людей, миллионы мальчиков и девочек, юношей и девушек, мужчин и женщин живут только для того, чтобы служить какому-то сверхчеловеку канатом над пропастью, мостом... И в страшном сне не приснится такое нормальному человеку. Поистине только экзальтированное воображение не совсем здорового человека может нарисовать подобную картину.

Идея сверхчеловека порочна в своей основе

Студенты и пользователи интернета время от времени задают мне вопрос: чем плоха идея сверхчеловека сама по себе, как таковая, если отвлечься от специфически ницшеанских характеристик? Разве она не духоподъемна, не настраивает человека на движение вперед и выше, на то, чтобы человек преодолел себя, поднялся на более высокую ступень развития, поборов свои слабости, недостатки, несовершенства?

Отвечаю

Слово «сверхчеловек» образовано путем соединения слов «сверх» и «человек». С самого начала оно направляет нашу мысль в сторону противопоставления сверхчеловека и человека. Сверхчеловек лучше человека, людей. Соответственно, человек, люди как таковые хуже сверхчеловека. Сверхчеловек может то, что не могут люди (иначе он не был бы сверхчеловеком). Значит, сверхчеловек, обладающий лучшими качествами и большими возможностями, по природе своей должен быть лидером, т. е. управлять людьми, властвовать. В итоге неизбежно складываются отношения господства и подчинения.

Когда мы рассматриваем сверхчеловека в его отдельности, то он может показаться нам таким милым, крутым, благородным, обладающим невероятной творческой энергией, всякими совершенствами, таким земным Богом. Но когда мы рассмот-

рим отношение «сверхчеловек — человек, люди», то увидим, что всеми своими хорошими и даже отличными качествами он обязан человеку как таковому (людям), точнее тому, что у людей были отняты хорошие качества, гиперболизированы и затем переданы сверхчеловеку. Сверхчеловек так или иначе «существует» (образован, позиционируется) за счет унижения человека! Сверхчеловек — да, человек — нет! Да здравствует сверхчеловек! Долой человека! — вот вся премудрость философии сверхчеловека.

Но, самое интересное, сверхчеловек не может существовать-жить без человека, людей. Иначе, кого ему спасать, кем он должен управлять, от кого он должен отталкиваться как от несовершенного образца? Обратите внимание: в самом составе слова «сверхчеловек» присутствует это ненавистное для него слово «человек», пусть даже и униженное путем отрицания, отталкивания от него.

Таким образом, идея сверхчеловека с самого начала создает искусственное напряжение между отдельными людьми, вообразившими себя сверхчеловеками, и всем человечеством. В результате и появляются непрошенные спасители, вершители судеб мира, полубезумные претенденты на мировое господство.

Зачем надо выходить за пределы понятия «человек», выдумывать какого-то сверхчеловека?! Ведь в этом понятии есть всё, что надо для дифференциации людей. Одних мы называем маленькими, простыми людьми. Других называем людьми с большой буквы, выдающимися, великими и т. д., и т. п. Гуманизм противоречив в своей основе. С одной стороны, он выступает за равенство всех, т.е. с его точки зрения все люди — **человеки**. С другой, он предоставляет каждому право быть лучшим, быть **Человеком** с большой буквы.

Зачем надо унижать всё человечество, зачем выводить его за пределы достойного, подвергать остракизму, ставить на колени перед неким всемогущим сверхчеловеком? Ясно, что такая позиция сильно отдаёт антигуманизмом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Предтечи Ф. Ницше

Феномен Ницше возник не на пустом месте. У него были предшественники. Из философов можно назвать прежде всего И. Фихте и А. Шопенгауэра.

И. Фихте

Вот что писал Б. Рассел о **Фихте**: «... он начинал как абстрактный метафизик, но затем показал даже определенно депотичный и эгоистичный характер. Вся его философия развивалась из предположения "Я — это Я" или, как он говорит:

"Эго само себя постулирует, и оно есть в результате этого простого утверждения себя, это и действующая сила, и результат действия, активность и то, что является результатом действия, Я есть выражает делодействие (Tathandlung}. Эго есть, потому что оно само себя постулировало".

Эго, согласно этой теории, существует потому, что оно выражает волю к существованию. Теперь представляется, что нон-Эго также существует потому, что этого желает Эго, но нон-Эго, порожденное таким образом, никогда не станет действительно внешним по отношению к Эго, которое определяет его постулирование. Людовик XIV говорил: "Государство — это я", Фихте говорил: "Вселенная — это я". (...)

Когда, в результате битвы при Йене, Фихте пришлось бежать из Берлина, он начал думать, что слишком энергично утверждал нон-Эго в лице Наполеона. По возвращении в 1807 г. он представил свое знаменитое "Обращение к немецкому народу", в котором впервые была изложена доктрина национализма. Это обращение начинается с объяснения того, что немцы выше всех остальных современников, потому что только они имеют чистый язык (язык без примесей). (Русские, турки и китайцы, не говоря уже об эскимосах и готтентотах тоже имеют чистые языки, но они не упоминаются в исторической книге Фихте.) Чистота немецкого языка делает немцев исключительно способными к глубоким размышлениям. Фихте заключает, что "иметь характер и быть немцем, без сомнения, значит одно и то же". Но если немецкий характер нужно ограждать от иностранного развращающего влияния и если немецкий народ

должен быть способен действовать как единое целое, то должен быть новый тип образования, который будет "формировать немцев в единое тело". Новое образование, говорит он, "должно состоять существенным образом в том, чтобы полностью уничтожить свободу воли". Он добавляет, что воля — "это неотъемлемая сущность человека".

Не нужно внешней торговли помимо того, что является абсолютно необходимым. Нужна всеобщая военная служба: каждый обязан сражаться не за материальное благосостояние, не за свободу, не в защиту конституции, но под влиянием импульса "жадного пламени высшего патриотизма, которым объята нация, как покровом вечности, за который благородный человек радостно жертвует собой, а подлый человек, который существует единственно ради других, тем более должен жертвовать собой".

Эта доктрина, говорящая, что "благородный" человек — цель человечества и что "неблагородный" человек не может предъявлять свои права на что-либо, — это суть современных нападков на демократию. (...) Фихте, являясь своего рода политическим кальвинистом, выделял определенных людей как избранных и признавал негодными всех остальных.

Сложность, конечно, состояла в том, чтобы узнать, кто является избранным. В мире, в котором доктрина Фихте была бы повсеместно принята, каждый человек думал бы, что он "благородный", и присоединился бы к определенной партии людей, подобных ему самому, чтобы разделить часть своего величия. Эти люди могут принадлежать к его нации, как в случае с Фихте, или к его классу, как это происходит у коммунистического пролетариата, или к его семье, как у Наполеона. Не существует объективного критерия "благородства", кроме успеха в войне, поэтому война — необходимый результат этой доктрины». (Рассел Б. Происхождение фашизма.)

Национализм Фихте вполне корреспондируется с его антисемитизмом. Еще в 1793 г. он набрасывался на евреев, называя их «государством в государстве» и предлагая отвоевать «обетованную землю» и переселить их всех туда¹.

¹ См.: А.Гулыга. Шеллинг. М., 1984. С. 20.

А. Шопенгауэр

А. Шопенгауэр выступил с концепцией злой мировой воли. От этой концепции один шаг к ницшеанской идее воли к власти. Забыты всё: материя, тело, телесность, чувства, разум, почти вся психика и физика. Одна воля — царь и бог. И вот на этой почве вполне логично возникла идея воли к власти. Ведь, в сущности, воля и власть — это сестры-двойняшки. Воля — способность человека управлять своим поведением; власть — способность человека управлять другими людьми, человеческими сообществами.

Гегель

Нельзя не упомянуть здесь и **Гегеля** с его идеей Германского мира и апологией войны.

Гегель выдвинул такую периодизацию истории: сначала был Восточный мир, затем Греко-Римский и завершает историю Германский мир. Гегель назвал последние полторы тысячи лет истории именем одной нации. Это ли не национализм?!

Далее, Гегель иногда высказывал идеи, которые можно назвать кровожадными и даже людоедскими. Он считал, например, что войны — полезная вещь, что они — средство самоочищения человечества. «...высокое значение войны, — писал он, — состоит в том, что благодаря ей, как я это выразил в другом месте, «сохраняется нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира»¹.

Война сносит все устоявшиеся традиции и обычаи, в том числе подвергает испытанию фундаментальные ценности человеческой жизни. Гегель поддерживал стремления отдельных лидеров вести войны. Так, он весьма ценил Наполеона, а ведь последнего прозвали «людоедом»². Здесь он фактически вы-

¹ Гегель. Философия права М., 1990. С. 360 (§ 324).

² В войнах, которые вел Наполеон, одних только французов погибло 8 миллионов! Это неслыханная цифра для начала XIX века. И еще. Наполеон несет ответственность не только за конкретные преступления как завоеватель. В новой истории он создал прецедент, которым воспользовался другой претендент на мировое господство —

ступает с позиций антигуманиста. Войнственность гегелевской философии получила развитие в ницшеанстве и воплотилась затем в Гитлере, который хотел покорить весь мир.

А. Тойнби о предшественниках Ф. Ницше

А. Тойнби в «Постижении истории» пишет о предшественниках Ф. Ницше:

««Нордический человек» был впервые возведен на пьедестал французским аристократом графом де Гобино, деятельность которого приходится на период между Реставрацией 1815 г. и революцией 1848 г.

... вооружившись «индоевропейской» гипотезой, Гобино разработал расовую теорию истории, которую он развил в блестяще написанной книге с провокационным названием «Трактат о неравенстве человеческих рас».

У теории де Гобино были эпигоны, плагиаторы, популяризаторы, последователи, но никто не затмил ее первоначального блеска и никто к ней не прибавил ни одной новой идеи, хотя желающих было много. Слово «индоевропейский» со временем трансформировалось в «индогерманский», а прародину первобытных «индогерманцев» стали искать в районе северо-европейской равнины, входившей в то время в пределы королевства Пруссии. Во времена правления императора Вильгельма II появился английский германofil, который еще более энергично пытался обратить других в свою веру в нордического человека. Взвинченная фантазия Х. С. Чемберлена ранжировала великие цивилизации, великие народы, великие личности, пока не подвела их под рубрику «белокурой bestia»» (с. 96-97).

Комментаторы книги Тойнби пишут о выражении «белокурой bestia»: «Введенный им (Чемберленом — Л. Б.) термин «белокурой bestia» на европейский слух звучит иначе, чем на русский. Латинское слово *bestia* — «зверь» — в отечественном школярском обиходе XVIII – XIX вв., приобрело смысл «жулик», «прохвост». Для европейца же это слово символизирует некую первобытную, близкую к природе силу» (с. 684).

фюрер-завоеватель Гитлер. Наполеон породил Гитлера. Без Наполеона не было бы Гитлера.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Идеи Ф. Ницше носились в воздухе (рассуждения Родиона Раскольникова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»)

Ф. Ницше отнюдь не был какой-то демонической личностью. Его идеи уже озвучивались. В XIX веке они буквально носились в воздухе. Ф. Ницше был просто наиболее ярким их выразителем. Вот один пример: рассуждения Родиона Раскольникова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866 г.).

В этом романе мы читаем:

1. Первый разговор следователя Порфирия Петровича с Родионом Раскольниковым:

(Следователь упомянул о его статье) «— *одна ваша статейка: "О преступлении"*... или как там у вас, забыл название, не помню. Два месяца назад имел удовольствие в "Периодической речи" прочесть. (...)

— Я рассматривал, помнится, психологическое состояние преступника в продолжение всего хода преступления.

— Да-с, и настаиваете, что акт исполнения преступления сопровождается всегда болезнью. Очень, очень оригинально, но... меня, собственно, не эта часть вашей статейки заинтересовала, а некоторая мысль, пропущенная в конце статьи, но которую вы, к сожалению, проводите только намеком, неясно... Одним словом, если припомните, *проводится некоторый намек на то, что существуют на свете будто бы некоторые такие лица, которые могут... то есть не то что могут, а полное право имеют совершать всякие бесчинства и преступления, и что для них будто бы и закон не писан.*

Раскольников усмехнулся усиленному и умышленному искажению своей идеи.

— Как? Что такое? Право на преступление? Но ведь не потому, что "заела среда"? — с каким-то даже испугом осведомился Разумихин.

— Нет, нет, не совсем потому, — ответил Порфирий. — *Все дело в том, что в ихней статье все люди как-то разделяются на "обыкновенных" и "необыкновенных". Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступить закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать за-*

кон, собственно потому, что они необыкновенные. Так у вас, кажется, если только не ошибаюсь?

— Да как же это? Быть не может, чтобы так! — в недоумении бормотал Разумихин.

Раскольников усмехнулся опять. Он разом понял, в чем дело и на что его хотят натолкнуть; он помнил свою статью. Он решился принять вызов.

— Это не совсем так у меня, — начал он просто и скромно. — Впрочем, признаюсь, вы почти верно ее изложили, даже, если хотите, и совершенно верно... (Ему точно приятно было согласиться, что совершенно верно.) Разница единственно в том, что *я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непременно должны и обязаны были творить всегда всякие бесчинства, как вы говорите.* Мне кажется даже, что такую статью и в печать бы не пропустили. *Я просто-запросто намекнул, что "необыкновенный" человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует.* Вы изволите говорить, что статья моя неясна; я готов ее вам разъяснить, по возможности. Я, может быть, не ошибусь, предполагая, что вам, кажется, того и хочется; извольте-с. *По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству. Из этого, впрочем, вовсе не следует, чтобы Ньютон имел право убивать кого вздумается, встречных и поперечных, или воровать каждый день на базаре. Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами, и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы. Одним словом, я вывожу, что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками, — более или менее, разумеется. Иначе трудно им выйти из колеи, а оставаться в колее они, конечно, не могут со-*

гласиться, опять-таки по природе своей, а по-моему, так даже и обязаны не соглашаться. Одним словом, вы видите, что до сих пор тут нет ничего особенно нового. Это тысячу раз было напечатано и прочитано. Что же касается до моего деления людей на обыкновенных и необыкновенный, то я согласен, что оно несколько произвольно, но ведь я же на точных цифрах и не настаиваю. Я только в главную мысль мою верю. **Она именно состоит в том, что люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово.** Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и тут решительно нет ничего для них унижительного. Второй разряд, все преступают закон, разрушители, или склонны к тому, судя по способностям. Преступления этих людей, разумеется, относительноны и многообразны; большею частью они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь, — смотря, впрочем, по идее и по размерам ее, — это заметьте. В этом только смысле я и говорю в моей статье об их праве на преступление. (Вы припомните, у нас ведь с юридического вопроса началось.) **Впрочем, тревожиться много нечего: масса никогда почти не признает за ними этого права, казнит их и вешает (более или менее) и тем, совершенно справедливо, исполняет консервативное свое назначение, с тем, однако ж, что в следующих поколениях эта же масса ставит казненных на пьедестал и им поклоняется (более или менее). Первый разряд всегда — господин настоящего, второй разряд — господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели. И те, и другие имеют совершенно одинаковое право существовать. Одним словом, у меня все равносильное право имеют, и — *vive la guerre éternelle*, [да здравствует вековая война (фр.)] — до Нового Иерусалима, разумеется!**

— Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?

— Верую, — твердо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжение всей длинной тирады своей, он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре.

— И-и-и в бога веруете? Извините, что так любопытствую.

— Верую, — повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.

— И-и в воскресение Лазаря веруете?

— Ве-верую. Зачем вам все это?

— Буквально веруете?

— Буквально.

— Вот как-с... так полюбобпытствовал. Извините-с. *Но позвольте, — обращаюсь к давешнему, — ведь их не всегда же казнят; иные напротив...*

— *Торжествуют при жизни? О да, иные достигают и при жизни, и тогда...*

— *Сами начинают казнить?*

— *Если надо и, знаете, даже большею частью. Вообще замечание ваше остроумно.*

— Благодарю-с. Но вот что скажите: чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных? При рождении, что ль, знаки такие есть? Я в том смысле, что тут надо бы поболее точности, так сказать, более наружной определенности: извините во мне естественное беспокойство практического и благонамеренного человека, но нельзя ли тут одежду, например, особую завести, носить что-нибудь, клеймы там, что ли, какие?.. Потому, согласитесь, если произойдет путаница и один из одного разряда вообразит, что он принадлежит к другому разряду, и начнет "устранять все препятствия", как вы весьма счастливо выразились, так ведь тут...

— О, это весьма часто бывает! Это замечание ваше еще даже остроумнее давешнего...

— Благодарю-с...

— *Не стоит-с; но примите в соображение, что ошибка возможна ведь только со стороны первого разряда, то есть "обыкновенных" людей (как я, может быть очень неудачно, их назвал). Несмотря на врожденную склонность их к послушанию, по некоторой извращенности природы, в которой не откзано даже и корове, весьма многие из них любят вообразить себя передовыми людьми, "разрушителями" и лезть в "новое слово", и это совершенно искренно-с. Действительно же новых они в то же время весьма часто не замечают и даже презирают, как отсталых и унизи-тельно думающих людей. Но, по-моему, тут не может быть значительной опасности, и вам, право, нечего беспокоиться, потому что они никогда далеко не шагают. За увлечение, конечно, их можно иногда бы посесть, чтобы напомнить им свое место, но не более; тут и исполнителя даже не надо: они сами себя посекут, потому что очень благонравны; иные друг дружке эту услугу оказы-вают, а другие сами себя собственноручно... Покаяния разные публичные при сем на себя налагают, — выходит красиво и назидательно, одним словом, вам беспокоиться нечего... Такой закон есть.*

— Ну, по крайней мере с этой стороны, вы меня хоть несколько успокоили; но вот ведь опять беда-с: скажите, пожалуйста, много ли таких людей, которые других-то резать право имеют, "необыкновен-

ных-то" этих? Я, конечно, готов преклониться, но ведь согласитесь, жутко-с, если уж очень-то много их будет, а?

— *О, не беспокойтесь и в этом, — тем же тоном продолжал Раскольников. — Вообще людей с новой мыслью, даже чуть-чуть только способных сказать хоть что-нибудь новое, необыкновенно мало рождается, даже до странности мало. Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным. Огромная масса людей, материал, для того только и существует на свете, чтобы наконец, чрез какое-то усилие, каким-то таинственным до сих пор процессом, посредством какого-нибудь перекрещивания родов и пород, понатужиться и породить наконец на свет, ну хоть из тысячи одного, хотя сколько-нибудь самостоятельного человека. Еще с более широкою самостоятельностью рождается, может быть, из десяти тысяч один (я говорю примерно, наглядно). Еще с более широкою — из ста тысяч один. Гениальные люди — из миллионов, а великие гении, завершители человечества, — может быть, по истечении многих тысячелетий миллионов людей на земле. Одним словом, в реторту, в которой все это происходит, я не заглядывал. Но определенный закон непременно есть и должен быть; тут не может быть случая.*

— Да что вы оба, шутите, что ль? — вскричал наконец Разумихин. — Морочите вы друг друга иль нет? Сидят и один над другим подшучивают! Ты серьезно, Родя?

Раскольников молча поднял на него свое бледное и почти грустное лицо и ничего не ответил. И странною показалась Разумихину, рядом с этим тихим и грустным лицом, нескрываемая, навязчивая, раздражительная и невежливая язвительность Порфирия.

— Ну, брат, если действительно это серьезно, то... Ты, конечно, прав, говоря, что это не ново и похоже на все, что мы тысячу раз читали и слышали; но что действительно оригинально во всем этом, — и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, — это то, что *все-таки кровь по совести разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже... В этом, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Ведь это разрешение крови по совести, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение крови проливать, законное...*

— Совершенно справедливо, страшнее-с, — отозвался Порфирий.

— Нет, ты как-нибудь да увлекся! Тут ошибка. Я прочту... Ты увлекся! Ты не можешь так думать... Прочту.

— В статье всего этого нет, там только намеки, — проговорил Раскольников.

— Так-с, так-с, — не сиделось Порфирию, — мне почти стало ясно теперь, как вы на преступление изволите смотреть-с, но... уж извините меня за мою назойливость (беспокою уж очень вас, самому

совестно!) — видите ли-с: успокоили вы меня давеча очень-с насчет ошибочных-то случаев смешения обоих разрядов, но... меня все тут практические разные случаи опять беспокоят! *Ну как иной какой-нибудь муж, али юноша, вообразит, что он Ликург али Магомет... — будущий, разумеется, — да и давай устранять к тому все препятствия... Предстоит, дескать, далекий поход, а в поход деньги нужны... и начнет добывать себе для похода... знаете?*

Заметов вдруг фыркнул из своего угла. Раскольников даже глаз на него не поднял.

— *Я должен согласиться, — спокойно отвечал он, — что такие случаи действительно должны быть. Глупенькие и тщеславные особенно на эту удочку попадают; молодежь в особенности.*

— Вот видите-с. Ну так как же-с?

— Да и так же, — усмехнулся Раскольников, — не я в этом виноват. Так есть и будет всегда. Вот он (он кивнул на Разумихина) говорит сейчас, что я кровь разрешаю. Так что же? Общество ведь слишком обеспечено ссылками, тюрьмами, судебными следователями, каторгами, — чего же беспокоиться? И ищите вора!..

— Ну, а коль сыщем?

— Туда ему и дорога.

— Вы-таки логичны. Ну-с, а насчет его совести-то?

— Да какое вам до нее дело?

— Да так уж, по гуманности-с.

— У кого есть она, тот страдай, коль сознает ошибку. Это и наказание ему, — опричь каторги.

— Ну а действительно-то гениальные, — нахмурясь, спросил Разумихин, — вот те-то, которым резать-то право дано, те так уж и должны не страдать совсем, даже за кровь пролитую?

— Зачем тут слово: *должны*? Тут нет ни позволения, ни запрещения. Пусть страдает, если жаль жертву... *Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть,* — прибавил он вдруг задумчиво, даже не в тон разговора. (...)

— позвольте еще вопросик один (очень уж я вас беспокою-с!), одну только маленькую идейку хотел пропустить, единственно только чтобы не забыть-с...

— Хорошо, скажите вашу идейку, — серьезный и бледный стоял перед ним в ожидании Раскольников

— Ведь вот-с... право, не знаю, как бы удачнее выразиться... идейка-то уж слишком игривенькая... психологическая-с... Ведь вот-с, *когда вы вашу статейку-то сочиняли, — ведь уж быть того не может, хе-хе! чтобы вы сами себя не считали, ну хоть на капельку, — тоже человеком "необыкновенным" и говорящим новое слово, — в вашем то есть смысле-с... Ведь так-с?*

— *Очень может быть,* — *презрительно ответил Раскольников.*»

2. Из первого разговора Сони Мармеладовой с Р. Раскольниковым по поводу убийства старушки:

«— Что же, что же делать? — истерически плача и ломая руки, повторила Соня.

— **Что делать? Сломать, что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя! Что? Не понимаешь? После поймешь... Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель! Помни это! Это мое тебе напутствие!**»

3. Из второго разговора с Соней по поводу убийства старушки:

«— (...) И неужели ты думаешь, что я как дурак пошел, очертя голову? **Я пошел как умник, и это-то меня и сгубило!** И неужель ты думаешь, что я не знал, например, хоть того, что если уж начал я себя спрашивать и допрашивать: имею ль я право власть иметь? — то, стало быть, не имею права власть иметь. Или что если задаю вопрос: вошь ли человек? — то, стало быть, уж не вошь человек для меня, а вошь для того, кому этого и в голову не заходит и кто прямо без вопросов идет... Уж если я столько дней промучился: пошел ли бы Наполеон или нет? — так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон... Всю, всю муку всей этой болтовни я выдержал, Соня, и всю ее с плеч стряхнуть пожелал: я захотел, Соня, убить без казуистики, убить для себя, для себя одного! Я лгать не хотел в этом даже себе! Не для того, чтобы матери помочь, я убил — вздор!

Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и их всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, все равно должно было быть!.. **И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Я это все теперь знаю... Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...**» (везде выделено мной — Л. Б.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Из переписки по поводу Ф. Ницше

Лена в гостевой книге моего сайта пишет:

«А если Ницше был провокатором? В случае с Гитлером весьма эффективным в отрицательном смысле. Но предвидеть, а потому нести ответственность как основатель теории нацизма не может. И еще, гипертоническая чувствительность к окружающей среде, постоянное чувство немоты, и рождается теория приоритета силы в любом ее проявлении. Как протест...»

Извините, наверно банально...»

Ответ: Никто не утверждает, что Ницше был основателем теории нацизма. То, что он не предвидел, какие выводы из его философии сделает Гитлер, — отнюдь не умаляет его вины. Значит, он не был дальновиден. Значит, он не был достаточно умным человеком. Ведь первое свойство умного человека — быть дальновидным. А недалновидность — другое название глупости.

Ницше был, хотел он этого или не хотел, одним из идейных вдохновителей гитлеризма. А насчет того, что он не несет ответственности за свои безумные идеи — извините, тогда всех злодеев надо оправдывать. И Гитлера тоже, ведь лично он никого не убил. Об ответственности философов я пишу в своих книгах, в т. ч. в памфлете "Ницше — Гитлер философии". Кстати, обратите на название памфлета. Я вижу разрушительную роль философии Ницше шире, не только как одного из вдохновителей Гитлера. Ницше подобен Гитлеру. Разрушительный эффект от Ницше в философии и культуре аналогичен злодеяниям гитлеризма.

Моисей Бронштейн <misha-paht@rambler.ru>

14 Июнь 2010

Понимаете, сколько людей не живут, а существуют. Вот Помяловский в Мещанском счастье и Молотове высмеял моральную смерть, высмеял общество сытых без стремлений. Ведь такие люди часто воспитывают детей в таком роде. Искусство же заставляет человека стремиться к идеалам бессмертия. Не зря же из общества мещан выходили многие революционеры. Эх! Если бы Николай Герасимович не умер в 28 лет... Что касается меня, то я всю свою сознательную жизнь, можно сказать, каждый день думал о смерти, поэто-

му во мне горит творческая жилка. Нужно после себя что-то оставить.

Ответ. А Вы, оказывается, ницшеанец. Вы восклицаете "сколько людей не живут, а существуют". Вот так, есть сверхчеловеки, герои, а есть быдло, толпа, навоз истории.

Есть люди, которые не живут, а существуют, — значит они не имеют права на жизнь, значит их можно топтать, презирать, уничтожать! Так нацисты во главе с Гитлером уничтожали недочеловеков: евреев, цыган, славян...

Вы скажете: я преувеличиваю, гиперболизирую Ваши слова, вкладываю в них не тот смысл. Тот, тот смысл! Люди порой произносят слова, не сознавая, какой страшный смысл они в себе несут.

У меня совершенно другой взгляд на людей. Я считаю: нет на свете людей, которые не живут, а существуют. Живут все именно в силу того, что все — живые существа, человеки.

Моральный укор "существует, а не живет" может сказать только сам человек о себе в минуту экзистенциальной неудовлетворенности жизнью. Такому человеку надо помочь подняться или во всяком случае не говорить ему или о нем презрительно, что он не живет, а только существует. Повторяю, от такой сентенции до убийства, уничтожения людей один шаг. Сначала Вы морально уничтожаете людей, а потом Вы или кто-то другой, вдохновленный Вашими словами, и физически.

Людей надо уважать, всех без исключения. В этом принцип гуманизма!!!!!!!!!!!!

6.01.11

Уважаемый Лев!

Меня зовут Александр. Я тоже занимаюсь философией как наукой. С интересом прочитал в интернете Вашу статью "Ницше — Гитлер философии" за 2003 г. Жесткая статья. Такая же жесткая как и философия Ницше. Считаю необходимым сделать некоторые замечания, которые, возможно, будут Вам интересны.

Вы много говорите об аморальности философии Ницше, но не приводите ни одного аргумента о ее лживости. Не является ли его философия злом только потому, что в ней много правды? Согласитесь, что если бы сейчас все члены общества, в том числе и правительства, высказали правду друг другу, то мир погряз бы в бесконечных войнах. Тогда, что получается, что правда — это зло, а ложь и лицемерие, против которых направлена философия Ницше, добро?

Мне кажется Вы не достаточно хорошо разобрались в глубине философии Ницше. Отдельные фразы Ницше, которые употребляли после его смерти различные диктаторы, вовсе не говорит о следова-

нии его философии. Да, его философия жестокая, как и любая истина. Противоречива, как и любая истина. Странно, почему Вы не увидели в этой философии больше гуманизма, чем у любого другого философа? Неужели Вы не видите, что вся его философия пропитана болью за человечество? Неужели Вы не видите, что его философия не однородна и эволюционирует все годы его жизни? Что "Переоценку ценностей" писал уже другой философ, чем "Как говорил Заратустра". Философию Ницше нельзя изучать вне изучения жизни этого философа, которая сама по себе была трагедией. Чтобы понять истинный смысл его философии, нужно прочувствовать трагедию его одиночества. Он не писал для Гитлера, Муссолини или Сталина. И если внимательно изучить его трактаты, то очевидно, что Ницше глубоко презирал таких как они. И сверхчеловек рассматривается не как покоритель, диктатор, а как человек, преодолевший свои пороки: лживость, завистливость, продажность, лицемерие, подлость, тщеславие. Если внимательно изучить его философию, то видно, что в своих нападениях на христианскую мораль, он остается большим последователем Христа по принципам жизни Христа, чем и тогда, и сейчас живущие христиане.

Я думаю, Вы со мной согласитесь, что его философия была направлена, прежде всего, против человека-червя и во имя человека-творца. Созданный по образу и подобию Творца и сам должен быть творцом, а не червем! Это главная суть философии Ницше. Гуманистическая суть. Странно, что Вы ее не увидели.

С уважением, доктор философии Александр.

23.01.11. Александр!

Спасибо за письмо. К сожалению, не могу с Вами согласиться в оценке Ницше, особенно когда Вы говорите о гуманистической сути его философии. Если мой памфлет "Ф.Ницше — Гитлер философии" не убедил Вас, то бесполезна какая-либо дальнейшая дискуссия между нами. Единственно я хотел бы отметить, что Вы фактически стоите на позиции Ницше в оценке человека и это меня сильно печалит. Я категорически не согласен с формулой "против человека-червя и во имя человека-творца". Это ложная альтернатива. Моя мать была простым малограмотным человеком. Она вырастила пять детей. И что же по отношению ко мне, человеку-творцу, она человек-червь?! Да я в морду дам тому, кто такое скажет про мою мать.

Л.Балашов

Александр Уразов 21.09.2013

Уважаемый Лев Евдокимович! Я изучаю учебник по философии, написанный Вами. Хотелось бы задать Вам пару вопросов, если

можно. В описании философии Фридриха Ницше я не нашел его идей, но увидел Вашу резкую критику в его адрес. Вы утверждаете, что его идеи стали основными для нацистов. Хотелось бы знать, не считаете ли Вы, что идеи его были, по большей части, исковерканы нацистами в политических соображениях (пропаганда и т.п.) и действительно взяты за основу? 13:35:58

Лев Балашов

Уважаемый Александр! Взгляды и идеи Ницше крайние или, выражаясь современным политическим языком, экстремистские. Я пытался найти в его взглядах и идеях что-то положительное-конструктивное и не нашел. Поэтому в своих книгах, в которых обильно цитируются разные философы и авторы, я не нашел места для цитат из Ницше. Это показательно. Почитайте, пожалуйста, мой памфлет о Ницше (прикреплен к ответу). В нем я подробно объясняю, почему у меня такое отношение к Ницше.

Lo Lo

Это ужасно односторонний взгляд. Лучше всего прочитать исследования Хайдеггера.

Лев Балашов

Во-первых, Хайдеггер мне не авторитет в вопросе о Ницше. О его "исследованиях" можно говорить лишь условно. Ведь Хайдеггер не ученый, а философ. Во-вторых. Я назвал свое критическое эссе о Ницше памфлетом, а он должен быть односторонним, пафосно-критическим. Я обвиняю Ницше в том, что он философский преступник (Гитлер философии), и как обвинитель имею право на односторонний взгляд. Кстати, односторонность не всегда плоха. Например, я мужчина и не хотел бы, чтобы во мне видели также и женщину.

Я пытался найти в Ницше что-то хорошее, но не мог. Все его высказывания связаны в один узел и, если можно так сказать, замараны. Только один раз я цитирую Ницше в одной из своих книг в нейтральном смысле и то с некоторым критическим подтекстом.

Дискуссия на портале Проза.ру

Рецензия на «Ф. Ницше - Гитлер философии. Памфлет» (Лев Балашов)

Прочел ваш памфлет с огромным интересом.

Вы совершенно верно отмечаете, что философия Фридриха Ницше есть "ложка меда в бочке дегтя". Прекрасный определение! Но дело в том, что лично меня интересовала именно эта "ложка меда". Да и "ницшеанский деготь" необычайно интересен. Да, он сумасшедший, в этом я с вами совершенно согласен. Причем, даже в клиническом смысле этого слова — жизнь свою Ф.Ницше, как известно, закончил в психиатрической лечебнице. Но некоторые его прозрения, продиктованные его же злобным безумием, необычайно точны и попадают, как говорится, не в бровь, а в глаз. Чего только стоит его тезис в "Генеалогии морали", заключающийся в том, что суть пенитенциарной системы государства даже в модернистских государствах составляет месть, слегка подкорректированный принцип талиона. Разумеется, такие мысли Ф.Ницше высказывал не впервые, и не систематически. До него это в куда более параноидальной форме сделал маркиз де Сад — хотя бы, в своем сочинении: "Еще один шаг, французы, и мы станем республиканцами!" (название привожу по памяти, так что прошу простить). Тоже злобный сумасшедший; и, вдобавок, личность с сексуальными девиациями. Но вот что ценно — так точность сделанных учением ницшеанства прогнозов. Труды Фридриха Ницше надо читать от противного — вот в чем состоит принцип...

Виновен ли Фридрих Ницше напрямую в том, что возникла идеология нацизма и фашизма? Я думаю, что этот подход не вполне корректен. (И я думаю, что вы согласитесь со мной.) Скажем так: Фридрих Ницше подвел теоретическую базу под практические авантюры нацистов. Это особенно легко почувствовать, сравнивая нацизм и ницшеанство. Без сомнения, эклетизм. Ницшеанство по самой своей сути — невероятно противоречивое учение. Фридрих наскреб материал для своих спекуляций буквально по всем сусекам: от вульгарного механоларизма до столь же вульгарной трактовки иных естественных наук. И тут я вплотную приближаюсь к моменту, который хотел бы подчеркнуть особо.

Но теоретическую базу подвели многие и многое. Внесли свой вклад и социал-дарвинисты, и вульгарные расисты. И вообще, атмосфера, как говорится, сгущалась, ведь и К.Э.Циолковскому принадлежат такие, между прочим, роковые слова:

— Я человек и могу быть только человеком. Но и это не всякому понравится. Я не желаю жить жизнью низших рас. Жиз-

нюю негра или индейца. Стало быть, выгоды любого атома, хотя бы атома папуаса, требует погасания также и низших рас человечества.

А у русского философа Соловьева можно наткнуться на самые поразительные по своей глубинной мизогинии фразы, способные составить конкуренцию пируэтам Отто Вейнингера:

— Пока человек размножается как животное, он и умирает как животное.

Глубинная ненависть к рожающей женщине-матери вообще была чрезвычайно характерна для русских утопических философов. И в этом они были не одиноки. Мизогиния в философии, вообще, имеет чрезвычайно почтенную историю. Уже греческие философы были поразительные мизогинисты...

Полагаю, достаточно.

Итак, мыслей было много. Причем, что самое печальное, самые ужасные мысли высказывались людьми, которые имеют, в общем-то, реноме самых прогрессивных и порядочных. Знаменное времени, что говорит о многом.

Но это еще не все.

Фридрих Ницше, как известно, был лингвистом. Ужасающая порода, должен заметить. Лингвист в гуманитарных науках — то же самое, что и систематик в биологии; чудовищное сомнение в нем уживается с чудовищной ограниченностью; и венчает все это параноидальное желание все сосчитать, разложить по полочкам; платоновская уверенность, что эти полочки существуют реально (на самом деле, вид — во многом чисто умозрительная конструкция; и это составляет тайну лишь для дилетантов в биологии, каковым и был Ф.Ницше).

Но вернемся к началу: да, ницшеанство полоумно и отвратительно — но оно интересно с естествонаучной точки зрения. Не забывайте, злобый нрав частенько придает невероятную зоркость уму: тот же самый Федор Михайлович Достоевский по жизни был, мягко говоря, человек не вполне приятный. Это был жуткий антисемит, германофоб, (разумеется) полонофоб, вдобавок — великий ненавистник тюркских и мусульманских народов. Скажу откровенно: он сильно потерял в моем уважении, когда мне попались его дневники, полные разного рода злобного бреда, вроде рассуждений о коварной и низменной природе греков, очищении Константинополя от турок, презрительных эпитетов в отношении восточных народов, коих он именуется не иначе, как народцы.

Его пассажи о видениях Свидригайлова настолько физиологичны, что нормальному человеку делается положительно неловко, и всплывает резонный вопрос: уж не читаем ли мемуары педофила? Такое же странное впечатление оставляют его тенденциозные романы, где он самым злобным образом высмеивает русских социал-демократов, представляет в крайне вульгарном виде идеи женской эмансипации (мизогинист сей господин был еще тот...). Читать его романы крайне тяжело. Перед читателем проходит несомненный бред психически неуравновешенного человека, способного целыми десятками страниц мучать длиннейшими и путаными фразами. Сам стиль, как говорить свидетельствует.

И при всем этом — М.Ф.Достоевский несомненная гордость русской литературы, и один из самых необычных и сильных писателей. Почему? Потому что есть нечто ценное даже в самом уже ужасающем бреде. Он тоже был необычайно зорок, и видел все то кровавое, что предстояло человечеству уже в ближайшие десятилетия.

С уважением, Мехти Али.

Мехти Али 11.11.2015 14:51

Рецензия на «Ф. Ницше - Гитлер философии. Памфлет» (Лев Балашов)

Такое про Ницше может написать только посредственный ум, неспособный понять, что хотел сказать философ. Именно такой ум, с которым Ницше боролся - медленный, ленивый, мрачный, холодный, расчётливый, завистливый, скрюченный от постоянного страха быть непохожим на других.

У автора памфлета нету собственных слов - он использует высказывания других авторов... и даже информацию о том, что якобы Ницше был основоположником немецкого национал-социализма!!! Чтобы прочесть всего Ницше - труда требуется намного больше, чем для накропання данной мыслишки. Адью.)))

Иван Злой 06.11.2013 01:22

Псевдоним "Иван Злой" говорит сам за себя. Добрый человек никогда не назовет себя "Злым". С фанатиками Ницше бесполезно дискутировать. Они устроили из Ницше культ. У них просто кровью залиты глаза, ничего не видят кроме красной желчи Ницше.

Лев Балашов 06.11.2013 10:46

Рецензия на «Ф. Ницше - Гитлер философии. Pamфлет» (Лев Балашов)

"Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!" — Так говорил Заратустра.

Как сказала моя жена: "Поэтому Ницше и не ходил к женщинам.")))

Вернее - они ему отказывали.)

Статья замечательная. Ницше можно признать оригинальным философом, но его влияние на неокрепшие, чрезмерно амбициозные умы должно быть признано тлетворным.

Дмитрий Воблин 05.11.2013 22:59

Извините, но я прицеплюсь к Вашей фразе "Ницше можно признать оригинальным философом". Слово "оригинальность" никак не характеризует человека. Оригинальность может быть со знаком плюс, а может быть со знаком минус. Ссылка на то, что кто-то оригинальный, уникальный, другой, не похожий на всех и т.д. и т.п. - абсолютно бессодержательна. Я уже писал об этом в своем эссе "Аргумент «я другой» и его связь с софизмом «другой человек»" (см. здесь, в Дневнике размышлений). С уважением, Л.Балашов

Лев Балашов 06.11.2013 10:57

Прочитал эссе, понял, что Вы имеете в виду. Да, идеи Ницше деструктивны, они со знаком "минус", с точки зрения устоявшейся морали. Если этой философией вдохновлялись и оправдывали свою политику нацистские людоеды, значит ей не место в "приличном обществе" позитивных философских концепций. Однако я не настолько радикален, чтобы отказать Ницшеанской философии в праве на существование по двум причинам.

Во-первых, "рукописи не горят" и пытаться их "сжечь" будет равно уподоблению тем людям, кого ницшеанство вдохновляло.

Во-вторых, не только идеи Ницше послужили философским обоснованием доктрины фашизма и нацизма. Наиболее значительные имена, из тех кого помню: Шопенгауэр, Мальтус, Макс Нордау. Ницшианство, мальтузианство, социал-дарвинизм, евгеника, антисемитизм, антилиберализм, и, конечно, антикомму-

низм - эти концепции легли в основу мировоззрения Гитлера и его приверженцев.

Ницше - философ, а не современный студент, возвращенный в мире потребительского индивидуализма. Ценность идей Ницше в оригинальности, непохожести на другие идеи. Хотя, безусловно, изучать его философию нужно в контексте истории. С уважением,

Дмитрий Воблин 06.11.2013 12:51

Рецензия на «Ф. Ницше - Гитлер философии. Pamфлет» (Лев Балашов)

Статья рыхлая, поверхностная. За внешней эрудицией скрыты старые клерикальные перепевки.

Стыдно читать у профессора философии такое: "Если в лице И. Канта немецкая философия поднялась на необыкновенную высоту, то в лице Ф. Ницше она низко пала..".

Впрочем, после такой статьи автор не философ, а действительно - профессор!

Огромный минус автору. Жаль потраченного времени.

Эдуард Фетисов 05.11.2013 20:54

А я не удивляюсь никто не говорит о морали так хорошо как аморальный -на то в истории мы тьму примеров видим „привет еще разок -теперичи понял))))))

Васька 2 05.11.2013 21:23

Ваша "рецензия" пышет злобой. Вы просто неспособны воспринять аргументы другой стороны - вот и поливаете грязью оппонента в соответствии с формулой "сам дурак", поскольку своих собственных аргументов в оправдание Ницше у Вас нет.

Лев Балашов 06.11.2013 11:05

И после своей "аргументированной статьи" вы утверждаете что моя рецензия "пышет злобой"!? Вы заработались. Тут уже не на пенсию пора,- дальше! Вам на правах преподавателя философии надо думать как примирить мыслителей прошлого, чьи разногласия как Вам должно быть известно коренятся в методах познания и зачастую лишь в понятийном аппарате, а Вы разжигаете вражду, примешивая мораль и идеологию. Это не хорошо и даже низко. Ницше величайший мыслитель наряду с тем же Кантом, Гегелем и Шопенгауэром. Его пр-я написаны

другим языком. Мыслители прошлого вовсе не думали, что их пр-я будут читать Гитлер или профессор Балашов.

Эдуард Фетисов 06.11.2013 20:57

Рецензия на «Ф. Ницше - Гитлер философии. Pamфлет» (Лев Балашов)

Эх, Лев! Так много ты написал. Но это не для меня - среднестатистического читателя и в сущности своей христианина.

Неизвестный Читатель 10 05.11.2013 19:41

Рецензия на «Ф. Ницше - Гитлер философии. Pamфлет» (Лев Балашов)

Предшественником Ницше еще считается Макс Штирнер (см. "Единственный и его собственность").

Владимир Рыскулов 23.12.2012 23:47

О Штирнере я пишу в своей работе "Коллективизм и/или индивидуализм". Согласен с Вами, что есть определенное сходство в концепциях Ницше и Штирнера. Не могли бы Вы сообщить мне, кто конкретно считает Штирнера предшественником Ницше и есть ли у самого Ницше ссылки или намеки на Штирнера.

Лев Балашов 24.12.2012 00:52

Михайловский Н. К. «Макс Штирнер и Фридрих Ницше» // Литературные воспоминания. — т. 2. — с. 399, 401—404. В. Саводник, «Ницшеанец 1840-х годов. Макс Штирнер и его философия эгоизма» (М., 1902). Schellwein, «Max Stirner und Fr. Nietzsche», Лейпциг, 1892.

В наше время факт их духовного родства продолжает оставаться общим местом, хотя вполне возможно, что Ницше даже не читал Штирнера.

Владимир Рыскулов 24.12.2012 01:49

Спасибо!

Лев Балашов 24.12.2012 10:57

Мне кажется, Ницше со Штирнером роднит своеобразный «философский цинизм»: они сорвали с философии покров святости и начали говорить о тех вещах, о которых все знали, но

предпочитали из приличия умалчивать.

Владимир Рыскулов 24.12.2012 14:37

Я бы не согласился с этим. Если Ницше возводит культ вокруг определенных качеств человека (воли к власти в частности), то Штирнер возводит в культ самого человека - каким бы он ни был. Ницше признает право за силой, а Штирнер просто по факту существования. Общее у них (если это в принципе можно назвать общим - уж слишком для многих оно общее) - это нацеленность на себя, а не на социум, противопоставление эгоизма альтруизму.

На мой взгляд, Ницше просто воспользовался идеями Шопенгауэра и развил их до крайности.

Игорь Сирьк 07.02.2013 19:44

Игорь - Шопенгауэр + Диалектика!

Сергей Шрамко 05.11.2013 12:01

Рецензия на «Ф. Ницше - Гитлер философии. Pamфлет» (Лев Балашов)

Ницше в Заратустре соединил хищного суперанимала (сверхживотное) и неантропа (человек духовно эволюционирующий). Это - поэтический микст, аллофен, химера. Ибо сам Ницше был межвидовым гибридом, потому и сошёл с ума. Гитлер же был "нормальным" хищником. И его предтечи - Александр Македонский, "великие римляне", типа Цезаря, ну и Наполеон. Сейчас эту же миссию "завоевания" мира успешно проводит США под руководством сионистов. У Ницше - шизофрения (расщепленные сознания). У реальных же завоевателей, у всех - паранойя, тоже разновидность шизофрении, но при которой сознание нормальное, но конечная цель намерений и действий - безумна. Для хищных гоминид - это норма.

На заставке к памфлету - демон Врубеля. Врубель тоже был шизофреником. Так что Ницше, скорее, - это Врубель философии.

Борис Диденко 12.12.2012 18:42

Я бы искал причину сумасшествия Ницше в разрыве между созданным им идеалом Сверхчеловека и собственной вялой, болезненной личностью. Мозг желал компенсации, и поэтому выбрал максимальную планку, доступную ему - стал Иисусом

Христом.

А с чего Вы однозначно решили, что Гитлер был нормальным? Как по мне - характерные симптомы мессиянства. И паранойя скорее не разновидность, а предшествующее состояние шизофренических состояний.

Игорь Сирык 07.02.2013 19:51

Ответ Борису Диденко. Насчет шизофрении. Мне представляется, не следует так вольно обращаться с этим термином. Ученые до сих спорят, что такое шизофрения. Одни расширительно трактуют явление шизофрении, другие - узко. Насчет расщепления сознания. Да мы все слегка раздвоены и это абсолютно нормально. Некоторая раздвоенность (например, "я действующий" и "я наблюдающий, контролирующий", "я смелый" и "я осторожный") - сущностная черта человека. Теперь о Врубеле. Врубель не был шизофреником, во всяком случае, до последнего периода жизни, когда он уже не мог творить. Его гениальные полотна и рисунки написаны человеком вполне нормальным. Только нормальность не надо понимать узко, как некую абсолютную середину между крайностями. Нормальность допускает отклонения в ту или иную сторону, некоторое качание маятника. Нормальный человек может и взорваться, и вопить, и биться в истерике, и от гнева белеть, и находиться в состоянии прострации. Называть Ницше Врубелем философии - это значит оскорблять Врубеля. Ничего похожего между ними, если говорить о сути их основной деятельности. Называть Ницше Врубелем философии - это значит обелять его. А это отвратительно.

Лев Балашов 25.10.2013 11:28

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Камень в огород прагматизма. У.Джеймс, Ф.Ницше, Геббельс

"Мысль истинна постольку, поскольку вера в нее выгодна для нашей жизни" — У. Джеймс. Прагматизм.

А вот что заявляет Геббельс: "Пропаганда утрачивает силу, как только становится явной. Мы добиваемся не правды, а эффекта."

Не правда ли, фраза Геббельса по-

хожа на высказывание У.Джеймса. Разница между ними лишь в том, что второй ставит истину-правду в зависимость от выгоды-эффекта, а первый утверждает ничтожность правды-истины перед лицом его величества Эффекта. Эффект, выгода — вместо правды-истины.

К Джеймсу и Геббельсу можно присовокупить Ф.Ницше. Известна такая его фраза: «Нет фактов, есть только интерпретации». Конечно, Ф.Ницше не был прагматистом. Но с У.Джеймсом его объединяют две вещи: релятивизм и субъективизм. И Геббельс неявно исходит из этих двух вещей. Нет истины, нет объективного основания наших мыслей в виде фактов, а есть только интерпретации, т.е. нечто весьма зыбкое, произвольное, субъективное, относительное. Ведь интерпретации суть то, что субъект СООТНОСИТ с тем, что он видит-слышит. Тут очень силен субъективный момент: хочу-нравится, дам такую интерпретацию, а не хочу-не нравится, дам другую интерпретацию. Такой подход очень хорошо согласуется и с прагматистской концепцией У.Джеймса, и с пропагандистской концепцией Геббельса.

Того же сорта следующее высказывание Фридриха Ницше: «Нет вовсе моральных феноменов, есть только моральное истолкование феноменов».

— Эта фраза Ницше показывает, что он не воспринимает мораль как нечто объективно существующее, как регулятор отношений между людьми. То есть нет объективного содержания-существования морали, она только в уме, в сознании, только нечто оценивающее.

О притче Ф.Ницше «Три возвращения»

Здравствуйтесь, Лев Евдокимович! Меня зовут Дмитрий Босов. Я пишу стихи и прозу... есть и свои книги... Читал в Вашем учебнике философии статью о философии НИЦШЕ...В целом я согласен с Вами и Вашим выводом...Но ведь если взять притчу НИЦШЕ о трех превращениях - это весьма интересная мысль об эволюции мышления... 25.04.13

Лев

В чем, по-Вашему, эволюция мышления согласно этой притче Ницше? Пожалуйста, объясните.

С ув. Л.Е.

Дима

Я лично понимаю Ницше больше иносказательно, Лев Евдокимович! То, что он эпатажный мыслитель - без сомнения! Но в его притче о трех превращениях по сути описаны три типа личности - верблюд, лев и ребенок. Верблюд - это человек, живущий сугубо материальными потребностями и удовольствиями...От колючке к колючке и от оазиса к оазису. Остальное его не волнует. Лев - это тип личности, который выделился из верблюдов и несомненно более интеллектуально развит. Но его проблема в том, что он - манипулятор по сути и, ненавидя верблюдов, самоутверждается за счет их. Это не дает ему самому развиваться как личности. Поскольку самосовершенствование не есть тяга к самоутверждению за счет глупых и менее образованных. Наконец, стадия ребенка - это такой тип личности, который пытается в этом мире найти нечто новое, ведь им движет удивление в ответ на события и явления мира. Как я понимаю, это и есть один из двигателей философии помимо сомнения. Верблюд мир воспринимает совершенно обыденно, а лев в

принципе разочарован в нем. И если оглядеться вокруг, мы увидим, что нас окружает масса верблюдов и небольшая группа львов, которые, в действительности, являются обратными сторонами одной медали, поскольку лев окончательно не изжил в себе психологию верблюда, хотя и оторвался от нее. А вот достичь стадии ребенка крайне трудно. Хотя я с Вами полностью соглашусь в вопросах морали. И меня это тоже в Ницше беспокоит.

Дима, Ваша интерпретация притчи весьма далека от действительности. Вам нравится простая, ярко-образная концепция эволюции человеческого духа, изложенная в речи Заратустры, и Вы, не обращая внимание на несоответствие самой этой речи реальности, придумываете свою версию эволюции человека, опираясь на некоторые элементы речи.

Один человек (Ницше) сказал ВЫСПРЕННЮЮ чушь об указанной эволюции, а другой человек (Вы, Дима) нагромоздил над этой чушью еще одну чушь. Простите за резкость. Конечно, хорошо то, что Вы РАЗМЫШЛЯЕТЕ и пытаетесь по-своему изложить содержание указанной речи. Однако, на каком материале Вы строите свое размышление и ВИДЕНИЕ? Отвечу: на никуда не годном материале. Притча Ницше пустая, всего лишь игра слов и образов, бесконечные натяжки и очевидные реминисценции. Почему сначала верблюд, потом лев, а потом ребенок? Откуда Ницше взял эту последовательность? Весьма ходульная и нелепая интерпретация превращений человеческого духа. Возьмем хотя бы эту последнюю ступень — ребенка. Ну с какого рожна Ницше ставит «ребенка» не в начале эволюции человека, а в конце? Вижу в этом переворачивании только одно: всегдашнее желание Ницше перевернуть всё вверх дном. Черное назвать белым, а белое черным. Так и хочется Ницше поразить воображение читателя: «ребенок», оказывается, не начальная ступень развития-становления человека (и человечества), а конечная, итоговая ступень. (Ребенок потому и ребенок, что он глуп, глупышка, не способен к самостоятельной жизни. Да, ребенок игрун, любознателен, безудержно тянется к освоению того, что является для него новым. Но новое для ребенка, как правило, не новое для взрослого человека! Ницше легко-весно воспользовался лишь одной-двумя чертами ребенка и ляпнул, будто ребенок — то, каким в конце концов становится человек).

Интерпретировать способности-качества человека только как способности-качества верблюда, льва, ребенка — это недопустимое, дичайшее упрощение человека.

Теперь о деталях этой речи Заратустры. Муторно говорить о них: всё тот же набор «западных ценностей». «Верблюд» — выючное, подневольное «животное», трудоголик, осуществляющий принцип «ты должен». В образе ницшеанского «верблюда» легко просматривается образ Иисуса Христа, христианина-христианства. «Лев» — хищный зверь, олицетворяющий силу, свободу, своеволие, осуществляющий принцип «хочу». Ну и «ребенок», о котором я уже говорил. Автору явно не нравится «верблюд». Он фактически отвергает всякое долженствование, понимая, кстати, его как чисто внешнее долженствование (ведь верблюд — подневольное животное). И эта апология свободы как своеволия, как осуществление принципа «хочу»... На Западе очень многие понимают свободу именно так. Я говорил об этом на учебных занятиях (в ходу на Западе словарное определение свободы как «возможности поступать так, как хочется» и это постоянно повторяемое «я никому ничего не должен\не должна»). Эта такая убогость мышления, что остается только разводиться руками.

И это подчеркивание значения силы, воплощенной в таком хищном звере как лев... Сколько раз я говорил на занятиях, что «сила» — важная, но не единственная характеристика-черта человеческого-живого. Сила всегда проявляется-выступает в отношениях борьбы-противоборства. Разве только эти отношения имеют место в системе «человек-человек» или в системе «человек-природа»? А как же любовь, дружба, товарищество, сотрудничество, взаимопомощь, кооперация? В этих отношениях сила, если и присутствует, то как подчиненный момент. Главное в этих отношениях не сила, а единство, гармония, согласие.

А наши отношения с природой? Разве мы только воюем с ней, стараемся подчинить ее себе, господствовать? Не менее важны гармонические отношения с природой, бесчисленные балансы, как бы договорные отношения с природой.

Ницше, я уже говорил об этом, всё время гнет линию в одну сторону, в сторону конфликта, борьбы, войны, агрессии. Не случайно он называет своего идеального человека (сверхчеловека) белокурым бестией (хищным зверем).

Ниже привожу эту притчу Ф.Ницше:

О трех превращениях

Три превращения духа называю я вам: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев.

Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, который способен к глубокому почитанию: ко всему тяжелому и самому трудному стремится сила его.

Что есть тяжесть? — вопрошает выносливый дух, становится, как верблюд, на колени и хочет, чтобы хорошенько навьючили его.

Что есть трудное? — так вопрошает выносливый дух; скажите, герои, чтобы взял я это на себя и радовался силе своей.

Не значит ли это: унизиться, чтобы заставить страдать свое высокомерие? Заставить блистать свое безумие, чтобы осмеять свою мудрость?

Или это значит: бежать от нашего дела, когда оно празднует свою победу? Подняться на высокие горы, чтобы искушить искушителя?

Или это значит: питаться желудями и травой познания и ради истины терпеть голод души?

Или это значит: больным быть и отослать утешителей и заключить дружбу с глухими, которые никогда не слышат, чего ты хочешь?

Или это значит: опуститься в грязную воду, если это вода истины, и не гнать от себя холодных лягушек и теплых жаб?

Или это значит: тех любить, кто нас презирает, и простирать руку привидению, когда оно собирается пугать нас?

Все самое трудное берет на себя выносливый дух: подобно навьюченному верблюду, который спешит в пустыню, спешит и он в свою пустыню.

Но в самой уединенной пустыне совершается второе превращение: здесь львом становится дух, свободу хочет он себе добыть и господином быть в своей собственной пустыне.

Своего последнего господина ищет он себе здесь: врагом хочет он стать ему, и своему последнему богу, ради победы он хочет бороться с великим драконом.

Кто же этот великий дракон, которого дух не хочет более называть господином и богом? "Ты должен" называется великий дракон. Но дух льва говорит "я хочу".

Чешуйчатый зверь "ты должен", искрясь золотыми искрами, лежит ему на дороге, и на каждой чешуе его блестит, как золото, "ты должен!".

Тысячелетние ценности блестят на этих чешуях, и так говорит сильнейший из всех драконов: "Ценности всех вещей блестят на мне".

"Все ценности уже созданы, и каждая созданная ценность — это я. Поистине, "я хочу" не должно более существовать!" Так говорит дракон.

Братья мои, к чему нужен лев в человеческом духе? Чему не удовлетворяет вьючный зверь, воздержный и почтительный?

Создавать новые ценности — этого не может еще лев; но создать себе свободу для нового созидания — это может сила льва.

Завоевать себе свободу и священное Нет даже перед долгом — для этого, братья мои, нужно стать львом.

Завоевать себе право для новых ценностей — это самое страшное завоевание для духа выносливого и почтительного. Поистине, оно кажется ему грабежом и делом хищного зверя.

Как свою святыню, любил он когда-то "ты должен"; теперь ему надо видеть даже в этой святыне произвол и мечту, чтобы добыть себе свободу от любви своей: нужно стать львом для этой добычи.

Но скажите, братья мои, что может сделать ребенок, чего не мог бы даже лев? Почему хищный лев должен стать еще ребенком?

Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокачающееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения.

Да, для игры созидания, братья мои, нужно святое слово утверждения: своей воли хочет теперь дух, свой мир находит потерявший мир.

Три превращения духа назвал я вам: как дух стал верблюдом, львом верблюд и, наконец, лев ребенком.—

Так говорил Заратустра. В тот раз остановился он в городе, названном: Пестрая корова.

Комментарии в ЖЖ:

(Анонимно) (178.70.209.159) 27 май, 2017 10:17 (местное)

Может ли быть конечная точка эволюции? Да, если это смерть. Цивилизации, общества, человека, духа. Пока есть жизнь, есть следующие ступени эволюции и развития. А значит ребенок это начало для следующего этапа перерождения, где он беспомощен и глуп, что заставит его накапливать багаж. И для этого этапа, нового, он опять станет верблюдом.

lev_balashov (46.242.12.224)

27 май, 2017 12:54 (местное)

Язык Ницше пестрит метафорами, иносказаниями. Простите, но я терпеть не могу метафорический язык, иносказания и т.п. художественные изыски. Метафоры, иносказания хороши как перчик в мясном блюде, но не как основа построения концепции. Метафоры увеличивают неопределенность высказывания и понимания. А это далеко не всегда хорошо. С помощью метафор не построишь автомобиль и не научишься на нем ездить. Между тем жизнь человеческая, о которой говорит Ницше, полна вот таких технических и сугубо практических вещей. Метафоры Ницше и им подобные (в библии их множество) иг-

норируют ЭТУ сторону жизни и поэтому не могут служить полноценными отображениями жизни. Ницше - филолог по образованию и лучше бы он оставался филологом, а не лез в большую философию, в которой он просто профан.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Ницшеанские корни гитлеризма. Из книги Уильяма Шилера «Взлет и падение Третьего Рейха»

Интеллектуальные корни третьего рейха

(..) Откуда, помимо истории, черпал Гитлер свои идеи? Противники Гитлера как в самой Германии, так и за ее пределами были люди слишком занятые или слишком легкомысленные, чтобы всерьез обратить внимание, пока не поздно, на то, что он, подобно многим своим соотечественникам, каким-то образом впитал в себя странную мешанину безответственных, пропитанных манией величия идей германских мыслителей XIX века. А Гитлер, зачастую знакомясь с такими учениями из вторых рук — скажем, слышал о них от такого бестолкового псевдофилософа, как Альфред Розенберг, и от своего друга, пьяного поэта Дитриха Экарта, — подхватывал эти воззрения с лихорадочным восторгом неопита {Новоявленный приверженец какой-либо религии или учения. — Прим. ред. }. Однако хуже всего было то, что он решил применить эти идеи на практике, если когда-либо представится такая возможность.

Мы уже знаем, какие мысли обуревали его: прославление войны и завоеваний и абсолютная власть авторитарного государства; вера в германцев как в высшую расу и ненависть к евреям и славянам; презрение к демократии и гуманизму. Эти взгляды не новы и не принадлежали Гитлеру, хотя впоследствии способы применения их были разработаны именно им. Подобные воззрения исходили от довольно странной плеяды образованных, но непоследовательных философов, историков и просветителей, которые владели умами немцев в прошлом веке. Это, как оказалось, имело губительные последствия не только для самих немцев, но и для большей части всего человечества.

К числу просвещенных немцев, разумеется, принадлежали наиболее выдающиеся выразители взглядов и идеалов западного мира Лейбниц, Кант, Гердер, Гумбольдт, Лессинг, Гете, Шиллер, Бах, Бетховен, внесшие уникальный вклад в развитие западной цивилизации. Однако германская культура, господствовавшая в XIX веке, что совпало с расцветом прусской Германии, начиная с Бисмарка и кончая Гитлером, опирается в первую очередь на учения Фихте и Гегеля, затем на учения Трейчке, Ницше и Рихарда Вагнера.

(...) В других случаях воззрения этого гения (Ф. Ницше — Л. Б.), страдавшего манией величия, также отличаются от шовинистических взглядов немецких мыслителей XIX века. Действительно, Ницше считал большинство немецких философов, в том числе Фихте и Гегеля, "неумышленными мошенниками". Высмеивал он и "тартюфство старого Канта".

Немцы, писал Ницше в "Эссе о человеке", "не представляют, насколько они отвратительны", и он делал вывод, что, "куда бы ни вторгалась Германия, она разрушает культуру". Он считал, что христиане в той же мере, что и евреи, ответственны за "рабскую мораль", господствующую в мире...

Мне кажется все же, что тот, кто жил во времена третьего рейха, не может отрицать влияния Ницше на рейх. Его произведения полны, как отмечал Сантаяна, "гениального слабоумия" и "детского богохульства". Тем не менее нацистские писаки без устали превозносили Ницше. Гитлер часто посещал музей Ницше в Веймаре; свое благоговение перед философом он выражал в том, что позировал фотографам, с восторгом взирая на бюст великого мыслителя.

Имелись некоторые основания считать Ницше одним из родоначальников нацистского мировоззрения. Не этот ли философ обрушился на демократию и парламенты, проповедовал культ власти, превозносил войну, провозглашал появление высшей расы и сверхчеловека? И не стало ли большинство высказанных им мыслей афоризмами? Всякий нацист с гордостью цитировал Ницше практически по любому мыслимому поводу.

По вопросам христианства:

«Великое богохульство, чудовищное и глубочайшее извращение... рассматриваю его, как вечное проклятие человечества... Христианство значит не больше типичного учения социалистов».

По вопросам государства, власти и внутреннего мира человека:

"Общество никогда не понимало под добродетелью ничего иного, кроме стремления к власти, силе и порядку... Государство являет собой безнравственно слитое воедино... стремление к завоеваниям и мести... Общество не должно существовать ради самого себя, а лишь в качестве фундамента и опоры, с помощью которых избранная раса в состоянии возвыситься до более высоких задач... Не существует таких понятий, как право на жизнь, право на труд, право на счастье: в этом отношении человек ничем не отличается от самых ничтожных рабов" {Женщин Ницше безоговорочно относил к низшей социальной группе, как, впрочем, и нацисты, заявлявшие, что место женщины на кухне, а основное ее предназначение в жизни — рожать детей немецким воинам. Ницше так излагал эту идею: мужчина должен готовиться к войне, а женщина — рожать воинов. Все остальное — глупость". }

Ницше пошел в своих рассуждениях дальше и в сочинении "Так говорил Заратустра" писал: "Ты идешь к женщине? Не забудь захватить с собой хлыст! " По поводу этого высказывания Бертран Рассел

связвил: "Девять женщин из десяти отобрали бы у него этот хлыст, и, понимая это, он избегал женщин..." — Прим. авт. }.

Ницше воспевал сверхчеловека, "великолепную белокурую бес-тию, алчно жаждущую добычи и побед".

А что он думал по поводу войны? В этом вопросе Ницше разделял взгляды большинства других немецких философов XIX века. В своем наиболее известном труде "Так говорил Заратустра" Ницше громогласно провозглашал:

"Ты должен возлюбить мир как средство для новой войны, и краткий мир больше, нежели длительный. Я благословляю тебя не трудиться, а сражаться. Я благословляю тебя не на мир, а на войну... Ты говоришь, справедливо ли оправдывать войну? Я же говорю тебе: справедливая война освящает любую цель. Война и мужество совершили больше великих дел, нежели милосердие".

Наконец, в произведениях Ницше содержалось пророчество о появлении элиты, которая станет править миром и дарует нам сверхчеловека. В "Воле к власти" Ницше утверждал: "Набирает силу от-важная раса будущих правителей... Задачей будет подготовка... к появлению сверхчеловека, отмеченного особым интеллектом и силой воли. Этот человек и окружающая его элита станут "правителями земли".

Подобные рассуждения одного из самых самобытных мыслителей Германии не могли не оставить следа в мировоззрении Гитлера, в основном сумбурном. Во всяком случае, он стал приписывать себе не только мысли Ницше, но и пристрастие философа к преувеличениям, а зачастую и просто его высказывания. Выражение "правители земли" часто встречается в "Майн кампф". Не вызывает сомнений и то, что в конечном счете Гитлер считал себя тем самым сверхчеловеком, появление которого предсказывал Ницше. — 349-361 с.

В 4-й части книги «Воззрения Гитлера и истоки Третьего Рейха» У. Шилер пишет:

«В высказываниях Гитлера сквозит мысль, что лидер, наделенный высшей властью, выше морали ординарной личности. Тех же взглядов придерживались Гегель и Ницше. Мы приводили уже довод Ге-геля, что "личная добродетель" и "неуместные моральные устои" не должны стоять на пути великих правителей и никого не должно кор-обить, если герои, выполняя свой долг, сомнут или "раздавят" мно-жество невинных цветков. Ницше с присущим ему выразительным преувеличением идет дальше: "Сильных людей, владык в душе обу-ревают чувства хищных зверей; радость переполняет чудовище, ко-гда приходится сталкиваться с убийством, поджогом, насилием и пытками, и это вселяет в сердца не меньшую радость, а в души — не меньшее удовлетворение, чем обычная студенческая шутка... Если человек способен командовать, если он от природы "хозяин и влады-ка", если он неистов в своих поступках и жестах, что значат для него

писанные законы?.. Чтобы правильно оценить мораль, ее надо заменить двумя понятиями, заимствованными из зоологии: укрощение животного и выведение особой породы".

Подобные учения, доведенные до крайности Ницше и восторженно встреченные многими немцами, судя по всему, оказали сильное влияние на Гитлера. Гений, выполняющий предназначенную ему миссию, выше закона; его не может связывать "буржуазная" мораль. Таким образом, когда настало время активных действий, Гитлер уже знал, чем оправдать такие жестокие, леденящие кровь деяния, как подавление свободы личности, грубая практика рабского труда, ужасы концентрационных лагерей, кровавая расправа над своими сторонниками в июне 1934 года, убийства военнопленных и массовое истребление евреев. (394-395 с.)

На военном совещании 22 августа 1939 г., предшествовавшем нападению Германии на Польшу и началу Второй мировой войны, Гитлер наставлял своих генералов:

«Не отступать ни перед чем. Каждый должен осознавать, что мы с самого начала собирались воевать с западными демократиями. Борьба не на жизнь, а на смерть... Продолжительный мир не приведет ни к чему хорошему. Выше голову... Наши люди лучше... У них люди слабее... В 1918 году нация потерпела катастрофу только потому, что духовные предпосылки были недостаточны. Фридрих Великий выжил, потому что был силен духом.

Уничтожение Польши — первоочередная задача. Цель — уничтожить действующую армию, а не выйти на указанный рубеж. Даже если начнется война на Западе, уничтожение Польши останется первоочередной задачей. Это должно произойти быстро, учитывая время года.

Я найду пропагандистские причины для начала войны, пусть вас не волнует, правдоподобны они будут или нет. Победителя не будут потом спрашивать, правду он говорил или нет. Когда начинаешь и ведешь войну, главное не право, а победа.

Закройте ваши сердца для жалости! Действуйте жестоко! Восемьдесят миллионов человек должны получить то, на что они имеют право... Прав сильнейший... Будьте безжалостны! Пусть вам будет чуждо сострадание... Тот, кто размышлял о мире и порядке в нем, знает, что главное — успех, который достигнут лучшими при помощи силы... (выделено мной — Л.Б.) "

Выкрикивая ницшеанские лозунги, Гитлер довел себя до состояния крайней тевтонской ярости, но потом успокоился и дал несколько директив по поводу предстоящей кампании. Необычайно важна скорость. Он испытывает "непоколебимую веру" в немецкого солдата». (У. Шилер. Взлет и падение Третьего рейха, 1558 с.)

Лев Евдокимович БАЛАШОВ
Ф. НИЦШЕ — ГИТЛЕР ФИЛОСОФИИ.
Памфлет